

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

2/2021

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (ФРГ); д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н. проф. **В. Ф. Попондопуло**; д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Kokotov** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. Siegmunt** (doctor of philosophy) (Germany); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Шерстнева А. В. (Москва)* Право и социальная справедливость
(конституционно-правовой аспект).....5

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Дерюгин Р. А., Первухин А. С. (Екатеринбург)* Особенности работы
со следами использования оружия, созданного с помощью 3D-печати,
на месте происшествия.....11

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Семякин М. Н. (Екатеринбург)* Возрождение вещных прав в постсоветской России
и проблемы их дальнейшего развития.....16
- Плотников Д. А. (Киров)* Коллизии между общими и специальными
гражданскими процессуальными нормами как предпосылка
совершенствования системы гражданского процессуального права.....27

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Лазутин Л. А., Лихачев М. А. (Екатеринбург)* Международное право
в современном учебном процессе.....37

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Надин А. Н. (Москва)* Особенности правового статуса органов прокуратуры
государств-участников СНГ (на примере России, Казахстана и Беларуси).....42
- Пронин Т. Т. (Москва)* Развитие института судебных исполнителей в РСФСР
в первое десятилетие советской власти.....52

ХРОНИКА

- Бендюрина С. В. (Екатеринбург)* «Конституционные поправки 2020:
значение, законодательные изменения, первая практика»: обзор круглого стола.....62

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Федорова М. Ю. (Санкт-Петербург)* Права пенсионеров: комплексный подход
к актуальной проблеме. Рец. на кн.: Права пенсионеров: российское законодательство
и зарубежный опыт: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. В. Путило. –
М.: Проспект, 2020. – 288 с.67

CONTENTS

CONSTITUTIONAL LAW AND PROCEDURE

Sherstneva A. (Moscow) Law and social justice (a constitutional and legal aspect).....5

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

Deryugin R., Pervukhin A. (Yekaterinburg) The features of investigating traces
 of the use of 3D printed weapons found at the scene.....11

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Semyakin M. (Yekaterinburg) The revival of property rights in post-Soviet Russia
 and the problems of their further development.....16

Plotnikov D. (Kirov) Conflicts between general and special civil procedural rules
 as a prerequisite for improving the system of civil procedural law27

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION

Lazutin L., Likhachev M. (Yekaterinburg) International law
 in contemporary legal education37

STUDENTS' BULLETIN

Nadin A. (Moscow) Peculiarities of the legal status of the prosecutor's offices
 of the CIS member states (on the example of Russia, Kazakhstan and Belarus).....42

Pronin T. (Moscow) Development of the institution of compulsory enforcement officers
 in the RSFSR in the first decade of Soviet power.....52

CHRONICLE

Bendyurina S. (Yekaterinburg) «Constitutional amendments 2020:
 meaning, legislative changes, first practice»: a round table overview.....62

LIBRARY

Fedorova M. (Saint Petersburg) Pensioners' rights: an integrated approach
 to an urgent issue. Review of the book: Pensioners' rights: Russian legislation
 and foreign experience: a scientific and practical guide / ed. by N. V. Putilo. –
 Moscow: Prospect, 2020. – 288 p.67

ПРАВО И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Шерстнева Алена Вячеславовна

Аспирант кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия (Москва), ORCID: 0000-0002-9408-3489,
e-mail: alena5883@mail.ru.

Актуальность темы определяется необходимостью исследования принципа справедливости в конституционном праве во взаимосвязи с конституционными принципами равенства и социального государства. Проанализированы основные подходы к соотношению понятий справедливости и социальной справедливости. Обосновано интегративное понимание правовой и социальной справедливости. Показана взаимосвязь категорий справедливости, равенства, социального государства. Сделан вывод о необходимости разграничения понятий справедливости и социальной справедливости: справедливость рассматривается как принцип, элементами которого являются равенство, дифференциация и индивидуализация; в свою очередь, социальная справедливость предполагает соблюдение равных условий в правовых процедурах, что является основой ее интеграции с правовой справедливостью.

Ключевые слова: право, справедливость, социальная справедливость, правовая природа, социальное государство, равенство

Для цитирования: Шерстнева А. В. Право и социальная справедливость (конституционно-правовой аспект) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 5–10. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_5.

LAW AND SOCIAL JUSTICE (A CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT)

Sherstneva Alena

Post-graduate, Russian State University of Justice (Moscow), ORCID: 0000-0002-9408-3489,
e-mail: alena5883@mail.ru.

The relevance of the topic is determined by the need to study the principle of justice in constitutional law in relation to the constitutional principles of equality and the welfare state. The main approaches to understanding the relationship between the concepts of justice and social justice are analysed. The idea of an integrative understanding of legal and social justice is substantiated. The interrelation of the categories of justice, equality, and the social state is shown. The author concludes that the concepts of justice and social justice should be distinguished: justice is considered as a principle, the elements of which are equality, differentiation and individualization; social justice, in turn, implies equal conditions in legal procedures, and that is the basis for its integration with legal justice.

Key words: law, justice, social justice, law nature, welfare state, equality

*For citation: Sherstneva A. (2021) Law and social justice (a constitutional and legal aspect). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 5–10, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_5.*

Взаимосвязь права и справедливости очевидна. Право является формой выражения социальной справедливости, отражает объективные закономерности развития социума.

Справедливость определяется юридической наукой разнопланово: как свойство права (Л. А. Морозова), общеправовой принцип (О. И. Цыбулевская), специально-юридический принцип (М. Н. Марченко), принцип нормотворчества, деятельности государства, применения правовых норм. П. Н. Сергейко указывает, что правовая справедливость – это категория, формирующаяся на основе оценки соответствия юридических норм и актов их применения и совпадающая с законностью¹. По мнению Н. С. Бондаря, «справедливость – одновременно и правовой принцип, и нравственно-этическая категория. В совокупности со свободой и требованиями равенства они представляют собой действенный социальный фактор, нормирующий, упорядочивающий социальную жизнь»².

В. С. Нерсисянц отмечает, что справедливость входит в понятие права, право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.). Кроме того, автор утверждает, что только право справедливо, поскольку справедливость выражает общезначимую правильность, что, в свою очередь, означает всеобщую правомерность, т. е. существо и начало права. «Справедливость – это самосознание, самовыражение, самооценка права и потому вместе с тем – правовая оценка всего остального, внеправового»³. Однако с данной позицией сложно согласиться, так как понятие права и справедливости не являются равноценными понятиями. Ведь право не всегда справедливо, а справедливое не ограничивается правом. Следует согласиться с О. В. Мартышиным в том, что поглощение справедливости правом – в высшей степени сомнительная идея⁴.

На основе исследования трактовок понятия справедливости можно сделать вывод, что ее основными элементами выступают равенство, дифференциация и индивидуализация, которые взаимосвязаны. Равенство, с одной стороны, исключает возможность установления преимуществ, а с другой – допускает возможность установления законом различий с учетом обстоятельств, основанных на критериях дифференциации и индивидуализации.

Юридическое равенство образуется из совокупности уравнивающей и распределяющей справедливости⁵. Конституция РФ (ст. 19) закрепляет основы юридического равенства: государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка и т. д., запрещает любые формы ограничений прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, гарантирует равенство прав, свобод и возможностей мужчины и женщины.

Сущность социальной справедливости можно свести к справедливому распределению и справедливому обмену. Само понятие социальной справедливости находит отражение в различных сферах жизни общества – это и политика, и право, и мораль. Г. В. Мальцев утверждал: «Систему социальной справедливости составляют многообразные отношения... Самая высокая степень организации и рационализации обнаруживается в центре системы, т. е. в экономическом распределении, затем в политической и правовой сферах. Отношение права и других нормативно-регулятивных систем к социальной справедливости подчинено закономерности общественного развития»⁶.

По мнению А. В. Радоновой, «„социальная справедливость“ имеет объективную и субъективную стороны. Первая отражает степень соответствия складывающейся на конкретном этапе развития системы общественных отношений теоретической модели „справедливого государства“. Вторая – субъективную оценку справедливости общественных отношений разными группами и слоями и отдельными лицами. Со-

¹ Сергейко П. Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов: учеб. пособие. Краснодар: Кубан. ун-т, 1974. С. 139.

² Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005. С. 258.

³ Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма : ИНФРА-М, 1997. С. 30.

⁴ Мартышин О. В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 6.

⁵ Зорькин В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 15.

⁶ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. С. 84.

впадая в главных чертах, эти оценки могут в то же время и существенно расходиться. Источником расхождения объективной и субъективной оценок социальной справедливости являются особенности социально-экономического положения и интересов общественных групп»¹.

В правовой науке встречаются суждения об отсутствии отличий между справедливостью и социальной справедливостью. «Социальная справедливость – коллективистское явление. Она осуществляется от имени общества страны, представленного государством, от имени иного территориального публично-правового образования (например, субъекта федерации, территориальной автономии, муниципального образования) из их публичных фондов»².

Мы не поддерживаем данную позицию. Прежде всего справедливость, являясь основополагающим принципом, связана с равноправием в области гражданских, политических прав человека и предполагает равенство возможностей и реализацию правовых норм в соответствии с индивидуальными возможностями, что способствует экономическому росту, повышает эффективность экономики, а также сглаживает недостатки рыночной экономики путем предоставления малообеспеченным гражданам равных возможностей и в то же время повышения их экономического вклада в общественное благосостояние. Социальная справедливость проявляется в равенстве возможностей при реализации предоставленных прав, объективности при решении споров о праве, соответствии выводов фактическим обстоятельствам дела, равенстве всех перед законом, соразмерности преступления и наказания, соответствии между целями законодателя и средствами, избираемыми для их достижения.

Социальная справедливость, в отличие от юридической справедливости, которая имеет отношение лишь к сфере соблюдения юридических норм, распространяется на все без исключения взаимоотношения людей. Однако нельзя говорить о том, что юридическая справедливость является составной частью социальной справедливости.

Правовая составляющая справедливости – это «проблемы справедливого правового регулирования, правоприменения, противоречий между общей нормой и единичным конкретным случаем, то есть между справедливостью и формальной законностью»³. С этой точки зрения обеспечение справедливости и равенства должно стать для государства одной из составляющих проведения политики посредством законодательного регулирования, которая должна быть четко выражена, формализована с помощью правовых средств.

В социальном государстве с рыночной экономикой такая политика выражается в издании законов, обеспечивающих поддержку свободного развития рыночных отношений и создающих адекватную им налоговую систему. Социальное обеспечение представляет собой систему социально-экономических мероприятий, гарантирующих материальное обеспечение граждан в старости, в период временной нетрудоспособности, при потере кормильца в семье; обеспечение пособиями и предоставление льгот женщинам-матерям, семьям со сравнительно низкими среднедушевыми доходами и др. Законодательством (ст. 39 Конституции РФ) предусмотрено материальное обеспечение и обслуживание граждан в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, потери кормильца, а также семей, в которых есть дети. Перечень социальных средств или гарантий является открытым. Он может быть расширен, и для этого необязательно вносить поправки в Конституцию, о чем свидетельствует упоминание об «иных гарантиях социальной защиты» (ч. 2 ст. 7) и о гарантиях социального обеспечения «в иных случаях, установленных законом» (ст. 39).

В концепции социального государства справедливость обеспечивается путем предоставления равных возможностей индивидам при реализации социальных прав с применением распределяющей справедливости, с помощью которой проис-

¹ Радонова А. В. Эволюция трактовки социальной справедливости в политической науке // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 2. С. 54.

² Чиркин В. Е. Социальная справедливость в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 6.

³ Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 54.

ходит защита социально незащищенных групп населения. При этом распределяющая справедливость в такой ситуации не выходит за рамки формального равенства, а сам термин «равенство» необходимо рассматривать более широко. Например, В. Д. Зорькин указывает на невозможность применения в российских условиях формального равенства как равенства между деянием и воздаянием перед единой для всех нормой свободы¹. О. В. Мартышин, критикуя представителей теории либертаризма, пишет: «Не вызывает доверия теория, доказывающая, что формальное равенство предполагает „равенство возможностей“, т. е. элементы фактического равенства, хотя нельзя не признать, что приведенное заявление вполне соответствует принципам гуманизма и неформальной справедливости, а значит, и социального государства»². При таком понимании формального равенства не вызывает сомнений, что социальные права не нарушают этот принцип, они призваны урегулировать ситуацию, при которой социальное неравенство не соответствует естественному неравенству.

Противники данного подхода, в частности Л. С. Мамут, приводят доводы о недопустимости использования права в качестве инструмента выравнивания социального неравенства, так как при реализации социальной функции между государством и индивидом отсутствует принцип взаимности³. Также исследователи указывают на нарушение свободы индивида в связи с тем, что формальное равенство предполагает установление равной меры свободы для всех. «Привнесение в понимание свободы какого-либо реального (материального) содержания (в плане требования обеспечения фактической доступности избранных вариантов поведения) превращает такую свободу в некий ресурс, „отчужденный“ от самого человека. Человек оказывается неспособным к самостоятельной реализации своей свободы, он нуждается для этого в содействии, в предоставлении необходимых ресурсов»⁴. В научной литературе традиционно приводятся следующие примеры, подтверждающие данное утверждение: при установлении государством обязательности основного общего образования нарушается свобода ребенка и его родителей – учиться или нет; обеспечивая бесплатное школьное образование, государство ограничивает свободу и одновременно сохраняет ее в ситуации, когда дети родились в неблагополучной семье и лишены данной возможности.

Анализ многочисленных решений Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод об отступлении от принципа формального равенства в сфере реализации социальных прав. Конституционный принцип равенства предполагает равный подход к формально равным субъектам и не обуславливает необходимости предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем.

Данная правовая позиция была выражена, в частности, в определении от 29 мая 2014 г. № 996-О, в котором был выявлен различный правовой статус родителей и опекунов (попечителей) инвалидов с детства. Суд пояснил, что «установление опеки представляет собой вынужденную и временную меру, имея в виду возможность освобождения и отстранения опекуна от исполнения им своих обязанностей в предусмотренных законом случаях, в том числе по его просьбе, и не влечет возникновения у него прав и обязанностей в отношении своего подопечного в объеме, равном объему прав и обязанностей родителей по отношению к их детям». В связи с этим «осуществление дифференциации условий назначения пенсии ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста родителям и опекунам детей-инвалидов не может рассматриваться как нарушающее права опекунов и не согласующееся с конституционным принципом равенства»⁵.

¹ Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. С. 274–275.

² Мартышин О. В. Идеи социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 15.

³ Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 6..

⁴ Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М.: ГУВШЭ, ИГПРАН, 2010. С. 53.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шафиковой Расихи Сахипзяновны на нарушение ее конституционных прав положением подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона „О трудовых пенсиях в Российской Федерации“».

Индивидуализация в социальном аспекте характеризуется закреплением различий в социальном обеспечении в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе. К примеру, при рассмотрении вопроса о возможности назначения и выплаты ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, гражданам из подразделения особого риска, признанным инвалидами, на которых было распространено действие соответствующего закона, Конституционный Суд РФ отметил, что «при осуществлении правового регулирования в какой бы то ни было сфере необходимо учитывать интересы и потребности инвалидов как лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, что предполагает создание специальных правовых механизмов, имеющих целью предоставление инвалидам дополнительных преимуществ по сравнению с лицами, сохранившими здоровье, с тем чтобы гарантировать их право на равные с другими гражданами возможности при реализации конституционных прав»¹.

Различия в социальном обеспечении в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе устанавливаются в виде предоставления отдельных льгот или компенсационных выплат и их последующей индексации. В частности, право на бесплатный проезд жертв политических репрессий по своей правовой природе является льготой, носящей компенсаторный характер, установление порядка предоставления которой возложено законодателем на Правительство РФ. Право на такого рода льготы непосредственно из Конституции РФ не вытекает, поэтому определение правовых оснований их предоставления и круга субъектов, на которых они распространяются, входит в компетенцию законодателя².

В заключение необходимо отметить безусловную взаимосвязь правовой справедливости и правового равенства. Однако эта взаимосвязь не должна восприниматься как аксиома, иначе произойдет абсолютизация равенства, в связи с чем необходимо обоснованное отступление от принципа формального равенства.

Список литературы

Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005. 592 с.

Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М.: ГУВШЭ, ИГПРАН, 2010. 136 с.

Зорькин В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 7–20.

Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. 720 с.

Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. 543 с.

Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. 255 с.

Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14.

Мартышин О. В. Идеи социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 5–15.

Мартышин О. В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 4–15.

Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма : ИНФРА-М, 2005. 656 с.

Радонова А. В. Эволюция трактовки социальной справедливости в политической науке // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 2. С. 51–56.

Сергейко П. Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов: учеб. пособие. Краснодар: Кубан. ун-т, 1974. 191 с.

Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 52–59.

Чиркин В. Е. Социальная справедливость в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 5–12.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 20-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О распространении действия Закона РСФСР „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“ на граждан из подразделений особого риска» в связи с жалобой гражданина В. Ф. Лякина.

² Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 282-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Правительства Хабаровского края о проверке конституционности абзаца третьего пункта 5 Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий».

References

- Bondar' N. S. (2005) *Vlast' i svoboda na vesakh konstitutsionnogo pravosudiya: zashchita prav cheloveka Konstitutsionnym Sudom Rossiiskoi Federatsii* [Power and freedom on the scales of constitutional justice: protection of human rights by the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow, Yustitsinform, 592 p.
- Chirkin V. E. (2016) *Sotsial'naya spravedlivost' v konstitutsionnom prave* [Social justice in constitutional law]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 7, pp. 5–12.
- Mal'tsev G. V. (1977) *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social justice and law]. Moscow, Mysl', 255 p.
- Mamut L. S. (2001) *Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava* [Welfare state from the point of view of law]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 7, pp. 5–14.
- Martyshin O. V. (2000) *Spravedlivost' i pravo* [Justice and law]. In *Pravo i politika*, no. 12, pp. 4–15.
- Martyshin O. V. (2011) *Idei sotsial'nogo gosudarstva i ee protivniki* [Ideas of the social state and its opponents]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 12, pp. 5–15.
- Nersesyants V. S. (2005) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Norma : INFRA-M, 656 p.
- Radonova A. V. (2016) *Evolyutsiya traktovki sotsial'noi spravedlivosti v politicheskoi nauke* [Evolution of the interpretation of social justice in political science]. In *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, vol. 11, no. 2, pp. 51–56.
- Sergeiko P. N. (1974) *Zakonnost', obosnovannost' i spravedlivost' sudebnykh aktov* [Legality, validity and fairness of judicial acts]. Krasnodar, Kubanskii unstitut, 191 p.
- Tsybulevskaya O. I., Milusheva T. V. (2017) *Spravedlivost' v prave: aksiologicheskii podkhod* [Justice in law: an axiological approach]. In *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, vol. 17, no. 5, pp. 52–59.
- Varlamova N. V. (2010) *Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava* [Typology of legal understanding and modern trends in the development of the theory of law]. Moscow, GUVShE, IGPRAN, 136 p.
- Zor'kin V. D. (2008) *Aksiologicheskie aspekty Konstitutsii Rossii* [Axiological aspects of the Constitution of Russia]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4, pp. 7–20.
- Zor'kin V. D. (2010) *Sovremennyi mir, pravo i Konstitutsiya* [The modern world, law and the Constitution]. Moscow, Norma, 543 p.
- Zor'kin V. D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow, Norma : INFRA-M, 720 p.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРУЖИЯ, СОЗДАННОГО С ПОМОЩЬЮ 3D-ПЕЧАТИ, НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Дерюгин Роман Александрович

Заместитель начальника кафедры криминалистики Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-6630-1354, e-mail: deryugin.r.a@mail.ru.

Первухин Александр Сергеевич

Курсант Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-7761-9237, e-mail: ann.alexandr@mail.ru.

В статье рассмотрены виды следов, которые могут быть обнаружены на месте происшествия при расследовании преступлений, связанных с использованием оружия, созданного при помощи 3D-печати. Отмечены некоторые особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов выстрела, материала, элементов оружия и других материальных следов «напечатанного» оружия.

Ключевые слова: 3D-печать, специальные знания, оружие, криминалистические исследования, следы

Для цитирования: Дерюгин Р. А., Первухин А. С. Особенности работы со следами использования оружия, созданного с помощью 3D-печати, на месте происшествия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 11–15. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_11.

THE FEATURES OF INVESTIGATING TRACES OF THE USE OF 3D PRINTED WEAPONS FOUND AT THE SCENE

Deryugin Roman

Deputy head of the chair, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-6630-1354, e-mail: deryugin.r.a@mail.ru.

Pervukhin Alexandr

Cadet, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-7761-9237, e-mail: ann.alexandr@mail.ru.

The article considers the types of traces that can be found at the scene when investigating crimes related to the use of 3D printed weapons. The authors analyse the features of detecting, fixing and removing traces of a shot, a material, elements of weapons and other material traces of 3D printed weapons.

Key words: 3D printing, special knowledge, weapons, forensic research, traces

*For citation: Deryugin R., Pervukhin A. (2021) The features of investigating traces of the use of 3D printed weapons found at the scene. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 11–15, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_11.*

Результативность расследования преступления зависит от множества факторов, в том числе от качества взаимодействия следователя (дознавателя) со специалистом

в той или иной области знаний. Деятельность специалиста требует совершенства в определенной сфере и предельной внимательности, в особенности при работе с цифровыми следами, новыми видами средств связи, компьютерной информацией и т. п. В ходе расследования «традиционных» преступлений следователь или дознаватель в большинстве случаев предполагает, какие следы могли образоваться в результате совершения преступления, где их искать, как правильно их зафиксировать и изъять. При расследовании «нетрадиционных» преступлений обнаружение, фиксация и изъятие следов могут быть осложнены отсутствием опыта, методик, научных и практических рекомендаций по расследованию. В частности, сложности может вызвать расследование преступлений, связанных с использованием оружия, созданного при помощи 3D-печати (объемной печати).

Научный и практический интерес к особенностям применения специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с оружием, созданным при помощи 3D-печати, обусловлен следующими факторами: разработка и внедрение технологий и сырья для объемной печати на широкий потребительский рынок и их ценовая доступность рядовому покупателю; наличие фактов изготовления оружия при помощи 3D-печати; отсутствие методических рекомендаций по раскрытию и расследованию таких преступлений. Лица, осуществляющие предварительное расследование, могут столкнуться со следующими проблемами, которые обусловлены особенностями оружия, созданного при помощи объемной печати: отсутствие контроля за потенциальными средствами создания «напечатанного» оружия; невозможность установить лиц, осуществляющих подготовку к совершению преступления; высокая разрушаемость «напечатанного» оружия (относительная простота уничтожения вещественных доказательств); снижение эффективности применения федеральной пулегильзотеки Министерства внутренних дел России; отсутствие специализированных учетов.

Успешное раскрытие и расследование рассматриваемых преступлений невозможно без знания механизма создания, а также основных видов технологии объемной печати.

3D-печать – это способ материализации содержащейся на компьютере информации, основанный на принципе послойной печати предмета. Технология объемной печати включает в себя пять элементов: компьютер, цифровую модель предмета, компьютерное программное обеспечение, 3D-принтер, материал печати¹. В настоящее время известно множество видов технологии 3D-печати, которые отличаются друг от друга способом (механизмом) печати, областью применения, материалами, используемыми для создания предмета; преимущества и недостатки того или иного вида заслуживают отдельного научного исследования. Основные виды объемной печати подробно описывают Э. М. Пройдаков, М. Н. Лысыч, Р. А. Белинченко, А. А. Шкильный, Р. В. Коваленко, Е. А. Миних, А. А. Елистратова, И. С. Коршакевич².

Для целей настоящей работы важно, что при всем разнообразии видов технологии объемной печати неизменной остается процедура «укладывания» слоев друг на друга (наслоение материала) для «выращивания» предмета.

Механизм образования следов, оставленных оружием, созданным с помощью объемной печати, их поиск, изъятие и исследование будут в значительной степени отличаться от соответствующих действий при расследовании преступлений, связанных с использованием традиционного оружия, что предполагает возникновение сложностей в работе следователя на первоначальном этапе.

¹ Berg B., Hof S., Kosta E. 3D Printing: Legal, Philosophical and Economic Dimensions. Leiden: Asser Press, 2016. P. 11–35.

² Пройдаков Э. М. 3D-печать как новое научно-техническое направление // Научно-технические исследования. 2014. № 1. С. 148–149; Лысыч М. Н., Белинченко Р. А., Шкильный А. А. Технологии 3D печати // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2014. № 4–3. С. 215–219; Коваленко Р. В. Современные полимерные материалы и технологии 3D-печати // Вестник Казанского технологического университета. 2015. № 1. С. 263; Миних Е. А. Особенности применения технологий 3D-печати в промышленном производстве // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 1. С. 18; Елистратова А. А., Коршакевич И. С., Тихоненко Д. В. Технологии 3D-печати: преимущества и недостатки // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной празднованию 55-летия Сиб. гос. аэрокосмич. ун-та им. акад. М. Ф. Решетнева (6–10 апреля 2015 г., Красноярск): в 2 т. / под общ. ред. Ю. Ю. Логинова. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2015. Т. 1. С. 557.

Для всех преступлений характерны следы всех групп: следы-отображения, следы-предметы, следы-вещества, а также цифровые следы. Однако следы, присущие преступлениям, связанным с «напечатанным» оружием, будут иметь свою специфику.

Видится вполне логичным, что любому преступлению с использованием «напечатанного» оружия предшествует его создание, что, согласно отечественному законодательству, также является преступлением, которое можно считать предикатным.

Рассмотрим процесс образования и оставления следов с момента создания «напечатанного» оружия до момента его применения.

Следы создания оружия сохраняются: 1) в помещении, где производилось оружие, на находящихся внутри предметах; 2) на устройстве печати (его памяти), компьютерах, телефонах и других электронно-вычислительных машинах; 3) на материальных электронных накопителях информации; 4) в виртуальной среде (например, облачные хранилища и сервисы). К следам, поиск которых целесообразно осуществлять в помещении, где производилось оружие, относятся: сырье (пластиковые нити, фотополимеры в различных упаковках и т. д.); микрочастицы материала, образующиеся в результате работы устройства печати или постобработки (пластиковая или металлическая пыль), которые могут сохраняться на поверхностях в непосредственной близости от устройства печати, внутри электроприборов, оснащенных системами охлаждения (например, системный блок компьютера).

При исследовании устройства печати необходимо осуществлять поиск микрочастиц материалов на сопле принтера (в целях установления его тождества с материалом, из которого изготовлено оружие), в резервуарах и других его частях, где находится материал в момент печати, или местах, расположенных рядом с местом его спекания, плавления и иных процессов, связанных с созданием предметов (в зависимости от технологии). Кроме того, частицы материала могут оставаться на близлежащих поверхностях (например, в случае 3D-печати с использованием технологии LENS¹, когда порошок выдувается из сопла, а его часть пролетает мимо заготовки) или на стенках вакуумных камер при использовании технологии электронно-лучевого спекания.

Кроме микрочастиц, необходимо фиксировать особенности сопла принтера. Так, при использовании технологии FDM² и другой аналогичной материал накладывается напрямую из сопла на изготавливаемый предмет. При этом особенности сопла отражаются в каждом слое предмета.

Возможно создание экспериментального образца в целях установления тождества свойств материала оружия.

Важно отметить, что для печати предмета необходим его «чертеж», который содержится в файлах и может храниться во внутренней памяти ЭВМ (компьютера, телефона, планшета и др.), на материальных электронных накопителях и в виртуальной среде. Обычно это файлы следующих типов: OBJ, STL, VRML, X3G, FBX. Если речь идет о материальном носителе, необходимо с привлечением специалиста изъять это устройство и копировать с него файл с целью дальнейшего исследования. Если файл содержится на виртуальном диске, нужно его скопировать, зафиксировать факт его нахождения на виртуальном диске, обратиться к владельцу данного диска (сервиса) для установления лица, загрузившего файл на диск, лиц, загрузивших его на свои устройства, и ограничения к нему доступа других лиц.

При выстреле из оружия, ствол которого изготовлен из материалов, устойчивых к термическому и механическому воздействию, могут образоваться следы канала ствола на гильзе патрона. В случае же выстрела из оружия, ствол которого изготовлен из материалов, не обладающих указанными свойствами, например пластмассы, такие следы могут не образовываться. Если на 3D-принтере был напечатан, например, пистолет Макарова из металла, целесообразно искать следы полей нарезов, следы поверхностей дна нарезов, следы микрорельефа поверхности канала ствола, следы заряжания и другие известные виды следов. Если же оружие было изготов-

¹ LENS (*Laser Engineered Net Shaping*) – технология лазерного спекания распыляемого порошкового материала. Материал подается из сопла под луч лазера. Подаваемый материал мгновенно спекается и послойно формирует объект.

² FDM (*Fused Deposition Modeling*) – моделирование методом послойного наплавления. Данная технология подразумевает создание объектов за счет последовательного нанесения слоев материала.

лено из пластмассы, такие следы образовываться не будут ввиду низкой прочности канала ствола. В таком случае на гильзе патрона будут оставаться частицы материала, из которого изготовлено оружие, например полимерного материала или непрочного металла.

Следы ударника на гильзе патрона образуются как в первом, так и во втором случае, так как независимо от того, из какого материала изготовлены остальные части оружия, ударник должен обладать достаточной прочностью для разбития капсюля патрона. Так, в *Liberator*¹ в качестве ударника использовался гвоздь, который при выстреле не разрушится. Соответственно, остается возможность его идентификации.

Следы выстрела на преградах образуются в результате механического и термического воздействия на объект. К ним относятся следы основного фактора выстрела (проникающие и поверхностные повреждения, пули, застрявшие в преграде), следы сопутствующих факторов выстрела (обугливание, опадение, спекание, оплавление, копоть, зерна пороха, поясok обтирания по краям пулевого отверстия, следы скольжения пули, летящей под углом, пятна смазки, штанцмарка).

Специфическими следами при выстреле из оружия, созданного с использованием 3D-печати, являются частицы, образующиеся при разрушении оружия в результате выстрела (например, частицы пластмассы или металла на одежде жертвы).

Помимо перечисленного, следует отметить, что само оружие, обнаруженное на месте происшествия, также может нести на себе множество следов (следы рук, потожировые следы, микрочастицы продуктов выстрела). При этом к следам, характерным для «напечатанного» оружия, относятся: вещество, использованное для создания оружия; структура материала, которая отличается в зависимости от технологии печати; микроповреждения, которые остаются в каждом слое материала (они позволяют идентифицировать конкретный принтер по следам, оставляемым соплом, размеру нити или толщине слоя в зависимости от технологии печати)².

Из сказанного следует, что для преступлений, связанных с использованием оружия, созданного при помощи технологии объемной печати, характерно образование множества специфических следов. От последних зависит определение направления экспертных исследований, каждое из которых будет осложняться нетипичностью следов и недостатком практики их исследования.

Список литературы

Елистратова А. А., Коршакевич И. С., Тихоненко Д. В. Технологии 3D-печати: преимущества и недостатки // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной празднованию 55-летия Сиб. гос. аэрокосмич. ун-та им. акад. М. Ф. Решетнева (6–10 апреля 2015 г., Красноярск): в 2 т. / под общ. ред. Ю. Ю. Логинова. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2015. Т. 1. С. 557–559.

Коваленко Р. В. Современные полимерные материалы и технологии 3D-печати // Вестник Казанского технологического университета. 2015. № 1. С. 263–266.

Лысыч М. Н., Белинченко Р. А., Шкильный А. А. Технологии 3D-печати // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2014. № 4–3. Т. 2. С. 215–219.

Медведицкова Л. В., Неупокоева И. А., Кочерова Л. А., Нестеренко А. В. Технологии 3D-печати при изготовлении огнестрельного оружия. Проблемы в расследовании преступлений // Закон и право. 2019. № 3. С. 121–124.

Миних Е. А. Особенности применения технологий 3D-печати в промышленном производстве // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 1. С. 17–22.

Пройдаков Э. М. 3D-печать как новое научно-техническое направление // Научно-технические исследования. 2014. № 1. С. 146–154.

Berg B., Hof S., Kosta E. 3D Printing: Legal, Philosophical and Economic Dimensions. Leiden: Asser Press, 2016. 214 p. DOI: 10.1007/978-94-6265-096-1_1.

References

Berg B., Hof S., Kosta E. (2016) *3D Printing: Legal, Philosophical and Economic Dimensions*. Leiden, Asser Press, 221 p., DOI: 10.1007/978-94-6265-096-1_1.

¹ *Liberator* – первое в мире оружие, почти полностью изготовленное на 3D-принтере из пластмассы, за исключением бойка. Разработан американцем Коди Уилсоном в 2013 г.

² Медведицкова Л. В., Неупокоева И. А., Кочерова Л. А., Нестеренко А. В. Технологии 3D-печати при изготовлении огнестрельного оружия. Проблемы в расследовании преступлений // Закон и право. 2019. № 3. С. 122.

Elistratova A. A., Korshakevich I. S., Tikhonenko D. V. (2015) Tekhnologii 3D-pechati: preimushchestva i nedostatki [3D printing technologies: advantages and disadvantages]. In *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*, vol. 1, pp. 557–559.

Kovalenko R. V. (2015) Sovremennyye polimernyye materialy i tekhnologii 3D-pechati [Modern polymeric materials and 3D printing technologies]. In *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 263–266.

Lysych M. N., Belinchenko R. A., Shkil'nyi A. A. (2014) Tekhnologii 3D-pechati [3D printing technologies]. In *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika*, no. 4-3, pp. 215–219.

Medveditskova L. V., Neupokoeva I. A., Kocherova L. A., Nesterenko A. V. (2019) Tekhnologii 3D-pechati pri izgotovlenii ognestrel'nogo oruzhiya. Problemy v rassledovanii prestuplenii [Technologies of 3D printing in the manufacture of firearms. Problems in the investigation of crimes]. In *Zakon i pravo*, no. 3, pp. 121–124.

Minikh E. A. (200) Osobennosti primeneniya tekhnologii 3D-pechati v promyshlennom proizvodstve [Features of the application of 3D printing technologies in industrial production]. In *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 1, pp. 17–22.

Proidakov E. M. (2014) 3D-pechat' kak novoe nauchno-tekhnicheskoe napravlenie [3D printing as a new scientific and technical direction]. In *Naukovedcheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 146–154.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Семякин Михаил Николаевич

Главный научный сотрудник Управления научных исследований
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-4013-0726,
e-mail: 9193705538@mail.ru

Отмечено, что в постсоветский период в связи с переходом к рыночным условиям хозяйствования в России произошло возрождение утраченных в советское время вещных прав. Дана общая характеристика норм разд. II части первой Гражданского кодекса РФ, показаны их недостатки. Сделан вывод о значении этих норм для правового регулирования вещных отношений, его дальнейшего совершенствования. Показана социально-экономическая обусловленность современного реформирования вещных прав, их институционализации как системного нормативного образования. Обращено внимание на то, что сегодня вещные отношения регулируются разноотраслевым законодательством, которое носит противоречивый характер. Показана роль Гражданского кодекса РФ в формировании вещных прав как нового подотраслевого системного образования.

Ключевые слова: вещные права, Гражданский кодекс РФ, система

Для цитирования: Семякин М. Н. Возрождение вещных прав в постсоветской России и проблемы их дальнейшего развития // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 16–26. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_16.

THE REVIVAL OF PROPERTY RIGHTS IN POST-SOVIET RUSSIA AND THE PROBLEMS OF THEIR FURTHER DEVELOPMENT

Semyakin Mikhail

Chief researcher, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-4013-0726,
e-mail: 9193705538@mail.ru

The article notes that, in the post-Soviet period, due to the transition to market economy in Russia, there was a revival of property rights lost in the Soviet era. The author gives a general characteristic of the norms of Section II of Part one of the Civil Code of the Russian Federation and reveals their shortcomings. He concludes that these norms are significant for the legal regulation of property relations and its further development. It is shown that the current reform of property rights and their institutionalisation as a normative system depend on socioeconomic conditions. The author states that today property relations are regulated by various laws that are quite contradictory. The role of the Civil Code of the Russian Federation in the formation of property rights as a new subsectoral system formation is underlined.

Key words: property rights, Civil Code of the Russian Federation, system

For citation: Semyakin M. (2021) The revival of property rights in post-Soviet Russia and the problems of their further development. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 2, pp. 16–26, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_16.

К середине 90-х гг. прошлого столетия в постсоветской России произошло возрождение юридической конструкции вещных прав, разработанной еще до революции.

С принятием Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР», а затем Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. в отечественной правовой системе появились отдельные нормы о вещных правах, а в дальнейшем в связи с расширением и углублением рыночных условий хозяйствования в России вещные права получили более четкую институционализацию в разд. II «Право собственности и другие вещные права» части первой Гражданского кодекса РФ. Учитывая, что вещно-правовые отношения регулировались также с помощью норм иных разделов ГК РФ, а также норм, содержащихся в других законах, правовые установления разд. II ГК РФ выступали в качестве нормативной основы (базы) при регулировании указанных отношений.

Однако, как полагает Н. Н. Аверченко, ссылаясь на С. А. Хохлова, разд. II ГК РФ играет систематизирующую роль, поскольку является своего рода «общей частью» для всего массива вещно-правовых норм¹. Такое утверждение вряд ли можно считать релевантным. Во-первых, автор, на которого ссылается Н. Н. Аверченко, так не характеризует нормы о вещных правах, содержащиеся в разд. II ГК РФ. По словам С. А. Хохлова, «Гражданский кодекс как кодифицированный акт не только ликвидировал противоречия, существовавшие в законодательстве, но и заполнил, восполнил те пробелы, которые у нас были в сфере регулирования отношений собственности»². Во-вторых, сам же Н. Н. Аверченко далее вполне справедливо отмечает: «В то же время, к сожалению, в разделе II ГК отсутствуют общие положения данной подотрасли, применимые ко всем ее институтам и вынесенные как бы за скобки; по существу, отдельно рассматриваются право собственности и другие вещные права, что не способствует единству толкования»³.

При всей безусловной важности разд. II ГК РФ претендовать на роль «общей части» для всего массива вещно-правовых норм он явно не может. Хотя, конечно, по сравнению с законодательством самого начала 1990-х гг., где предусматривались лишь отдельные нормы о вещных правах, в разд. II ГК РФ содержится около 100 статей, в которых сосредоточены нормативные установления о праве собственности и других вещных правах, об основаниях их приобретения, осуществления и прекращения, а также предусмотрен перечень наиболее типичных ограниченных вещных прав.

С введением в действие норм разд. II ГК РФ прекратили существование ряд законодательных актов начала 1990-х гг., касающихся собственности, и тем самым были устранены существенные противоречия в положениях законодательства о собственности, посвященных имуществу хозяйственных товариществ и ряда других коммерческих организаций. В ГК РФ было сформулировано достаточно четкое и однозначное положение о том, что имущество хозяйственных товариществ, хозяйственных обществ, производственных кооперативов, в том числе внесенное их учредителями (участниками) в качестве их взносов (вкладов, паев), принадлежит именно данным юридическим лицам на праве собственности, а не их участникам.

Это оказало существенное влияние на судебную практику, связанную с рассмотрением имущественных споров между соответствующими коммерческими юридическими лицами и их учредителями (участниками). Суды стали придерживаться позиции, согласно которой при выходе участника из состава учредителей (участников) юридического лица он по общему правилу не вправе требовать выдела в натуре какой-либо части из имущества хозяйственного товарищества, общества, производственного кооператива, а вопрос о компенсации такому участнику должен решаться в соответствии с положениями ГК РФ и иного законодательства, а также исходя из специального соглашения, заключенного между данным участником и конкретным хозяйственным товариществом, обществом, производственным кооперативом. При этом должно соблюдаться общее правило: предоставление указанному участнику юридического лица большей компенсации по сравнению с действительной стои-

¹ Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М.: РФ-Пресс, 2010. Т. 1. С. 586–587 (автор гл. 19 – Н. Н. Аверченко).

² Хохлов С. А. Право собственности и другие вещные права // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М.: Междунар. центр финансово-экон. развития, 1998. С. 385.

³ Там же. С. 587.

мостью его вклада не допускается, за исключением случаев, когда юридическое лицо подлежит ликвидации.

При характеристике вещных прав, закрепленных в разд. II ГК РФ, можно отметить следующее.

Во-первых, исключительное большинство норм в нем посвящены праву собственности, основаниям его приобретения, прекращения и т. д. В целом подотрасль вещных прав выстроена через призму права собственности, получила «собственническую» окраску и в значительной мере «наполнение».

Во-вторых, институт права собственности в разд. II ГК РФ изложен с традиционных отечественных цивилистических позиций, в рамках которых право собственности сформулировано как известная триада правомочий собственника, реализуемых абсолютной «властью» собственника и по его усмотрению; при этом не должны нарушаться предписания законодательства, а также права и законные интересы третьих лиц. В этом отношении институт права собственности сохранил преемственность с соответствующими положениями Закона «О собственности в СССР», Закона «О собственности в РСФСР» и Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.

В-третьих, при формулировании отдельных норм о собственности не обошлось, как представляется, без «курьезов». Так, согласно п. 4 ст. 209 ГК РФ «собственник может передавать свое имущество в доверительное управление другому лицу (доверительному управляющему)». Это положение является избыточным, учитывая, что в пп. 1–2 названной статьи перечислены правомочия собственника и указано, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые не противоречащие законодательству действия, в том числе отчуждать свое имущество другим субъектам, передавать им права владения, пользования и распоряжения имуществом, оставаясь собственником, распоряжаться имуществом иным образом.

С. А. Хохлов, положительно оценивая положение п. 4 ст. 209 ГК РФ, заметил: «Эта новелла очень важна для того, чтобы наконец определиться, как в нашей российской правовой системе относиться к таким частным случаям, когда не на основе договора поручения, не на основе какого-то другого традиционного договора, а на основе уже того, что мы немножечко восприняли от Запада, передается имущество собственником какому-то другому лицу, чтобы оно в отношении этого имущества действовало почти как собственник, даже в какой-то мере от своего имени»¹. Однако вряд ли приведенные соображения могут служить обоснованием указанной «новеллы», в том числе, в контексте того, что в конце 1993 г. был издан Указ Президента РФ «О доверительной собственности (трасте)», одно из положений которого гласило, что в отношении прав доверительного собственника распространяются все положения законодательства о собственности, если иное не указано в законе. Причем права доверительного собственника носили такой же характер, как и права «обычного» собственника, не являлись производными от прав титульного собственника. Иначе говоря, данным Указом в российскую правовую систему вводилась конструкция «расщепленной» («разделенной») собственности, характерная для правопорядков стран англосаксонской группы. Однако острота и проблематичность данного положения была разрешена в результате того, что названный Указ не получил практического применения и вскоре был отменен.

Положение п. 4 ст. 209 ГК РФ стало анахронизмом в настоящее время, учитывая, что в ныне действующем ГК РФ имеется специальная гл. 53 «Доверительное управление имуществом», где соответствующие отношения урегулированы достаточно подробно.

Другим примером недостатков при формулировании норм о собственности в разд. II ГК РФ может служить положение п. 2 ст. 216, согласно которому «вещные права на имущество могут принадлежать лицам, не являющимся собственниками этого имущества». Оно представляется излишним, ибо этот пункт может и должен восприниматься только в тесной увязке с установлением, содержащимся в п. 1 названной статьи, где четко обозначено, что наряду с правом собственности, вещными правами

¹ Хохлов С. А. Указ. соч. С. 388.

существуют также указанные в данном пункте виды ограниченных вещных прав. Отсюда понятно, что субъектами ограниченных вещных прав выступают лица, не являющиеся собственниками этого имущества.

В разд. II ГК РФ впервые была представлена общая характеристика вещных прав лиц, не являющихся собственниками имущества. В ст. 216 законодатель не стал формулировать определение вещного права и критерии, исходя из которых те или иные права могут быть отнесены к вещным и т. д. Здесь указан небольшой перечень наиболее типичных видов ограниченных вещных прав, что, по-видимому, было обусловлено продолжавшимися в теории и на практике дискуссиями относительно юридической природы отдельных видов имущественных прав (вещно-правовой или обязательственно-правовой). Причем это открытый перечень, поскольку законодатель сопроводил его формулировкой: «Вещными правами наряду с правом собственности, в частности (выделено мной. – М. С.), являются...» (п. 1 ст. 216 ГК РФ).

Отсюда прежде всего следует, что, помимо указанного в ст. 216 ГК РФ перечня ограниченных вещных прав, в самом Кодексе, а также в иных федеральных законах могут быть предусмотрены другие их виды. Вместе с тем сами стороны исключительно в договорном порядке не могут создавать вещные права (хотя этот вопрос относится к числу дискуссионных).

В разд. II ГК РФ появилась такая вещно-правовая конструкция, как «право хозяйственного ведения» (ст. 294), которая по своему содержанию стала более узкой, чем имевшаяся ранее конструкция «право полного хозяйственного ведения». Согласно положению ГК РФ предприятиям, владеющим имуществом на праве хозяйственного ведения, запрещалось продавать закрепленное за ними государственное недвижимое имущество, сдавать его в аренду, передавать в залог, вносить в качестве вклада в уставный капитал других юридических лиц, а также распоряжаться иным образом таким имуществом без согласия собственника.

Кроме того, содержанию права хозяйственного ведения придан стабильный характер: оно не может быть изменено по соглашению собственника с государственным предприятием, в отличие от установленного ранее права полного хозяйственного ведения, а государственные и муниципальные предприятия объявлены «унитарными» (ст. 113–115 ГК РФ), их уставный фонд является неделимым, т. е. не подлежит распределению по каким-либо долям (паям, вкладам), в том числе между работниками предприятия.

По мнению некоторых исследователей, «с переходом к рыночной экономике значительно сузился круг субъектов права оперативного управления»¹, а «категории „право хозяйственного ведения“ и „право оперативного управления“ имеют теперь ограниченную сферу действия и перспективу»². Приведенные высказывания нуждаются в уточнении.

Действительно, в самом начале 1990-х гг. многочисленные государственные предприятия, обладающие правом оперативного управления, сначала были преобразованы в субъекты с правом полного хозяйственного ведения, а вскоре были наделены правом хозяйственного ведения. И поэтому вначале переходного периода к рынку круг субъектов с правом оперативного управления в отношении закрепленного за ними имущества существенно сократился.

Однако в дальнейшем круг субъектов, обладающих правом оперативного управления, стал значительно увеличиваться. Прежде всего к многочисленным существовавшим в то время индивидуальным (семейным) частным предприятиям, а также предприятиям, созданным хозяйственными товариществами и обществами, общественными и религиозными организациями, объединениями, благотворительными фондами и т. д., в соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» до их преобразования либо ликвидации (до 1 июля 1999 г.) подлежали применению нормы ГК РФ об унитарных предприятиях, основанных на праве оперативно-

¹ Ахметьянова З. А. Вещное право: учеб. М.: Статут, 2011. С. 23.

² Суханов Е. А. Развитие института вещных прав при переходе к рынку // Гражданское право России при переходе к рынку: сб. науч. ст. преподавателей кафедры гражданского права юрид. фак. МГУ, посвящ. памяти проф. В. П. Грибанова / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: ДЕ-ЮРЕ, 1995. Вып. 26. С. 91.

го управления (ст. 113, 115, 296–297), с учетом того, что собственниками их имущества являются их учредители. Необходимо также иметь в виду, что особенностью правового «статуса» различных видов учреждений – бюджетные, казенные, автономные, частные – и ряда иных организаций является то, что в целом (за некоторыми исключениями) находящееся у них имущество характеризуется таким правовым режимом, как право оперативного управления. А до 2014 г. в России существовали некоторые унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления.

Таким образом, круг субъектов с правом оперативного управления вначале перехода к рыночным условиям хозяйствования действительно сократился, однако в дальнейшем он значительно расширился, и сфера применения данной категории, как свидетельствует практика, не сужается.

Такие категории ограниченных вещных прав, как «право хозяйственного ведения» и «право оперативного управления», были введены в разд. II ГК РФ с тем, чтобы обозначить отличие прав государственных и муниципальных предприятий и учреждений в отношении закрепленного за ними имущества от прав собственника.

Категория «право хозяйственного ведения» шире категории «право оперативного управления», установленного для учреждений, а также для федеральных казенных предприятий. Цель субъектов права хозяйственного ведения – осуществление коммерческой деятельности, предусмотренной в уставе, однако под контролем собственника. Предприятия, обладающие правом хозяйственного ведения, могли распоряжаться недвижимым имуществом, а также отдельными видами особо значимого движимого имущества только при наличии согласия на это собственника.

Основной целью деятельности учреждений является некоммерческая деятельность, и обязанность по их финансированию возлагается на собственника. Однако в отличие от Закона «О собственности в РСФСР», а также Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., где было установлено, что собственник финансируемого учреждения может свободно изъять и перераспределить любое имущество, закрепленное за учреждением, в ГК РФ предусмотрено иное: собственник может изъять и перераспределить лишь такое имущество, которое являлось излишним, неиспользуемым либо использовалось учреждением не по назначению.

Полноценный институт вещного права как системное образование, безусловно, не может существовать без частной собственности на землю (земельные участки). В разд. II ГК РФ была включена гл. 17, закрепившая право собственности, а также некоторые ограниченные права на землю: право пожизненного наследуемого владения земельным участком (ст. 265), право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ст. 268), сервитуты (ст. 274, 277). Однако в силу социально-политических разногласий в Государственной Думе данная глава была введена в действие значительно позднее других норм – со дня введения в действие Земельного кодекса РФ, что в течение длительного времени препятствовало реализации и без того «скудного» перечня ограниченных вещных прав в сфере земельных отношений. Такая «отсрочка» объяснялась тем, что реализация права собственности на земельные участки в то время, когда в российском законодательстве еще отсутствовали юридические механизмы, регулирующие оборот земель, порядок их изъятия в соответствующих случаях и т. д., могла представлять социальную опасность.

В положениях ГК РФ о земле воплощена достаточно «экзотическая» идея о том, что земельный участок и находящееся на нем здание (сооружение) не представляют собой единый объект недвижимости и, соответственно, право собственности на земельный участок и право собственности на здание (сооружение) принадлежат разным лицам (п. 1 ст. 271). Переход права собственности на земельный участок к другому лицу не влечет прекращения или изменения принадлежащего собственнику здания (сооружения) права пользования этим земельным участком. В случае перехода права собственности на недвижимость, находящуюся на чужом земельном участке, к другому субъекту последний приобретает право пользования соответствующим земельным участком на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний собственник недвижимости. Как представляется, реализация указанной «экстраординарной» законодательной идеи была обусловлена оставшимися в сознании постсоветскими

представлениями об «огосударствленной» собственности на землю, а также неразвитостью в тот период в теории и на практике института частной собственности на землю (земельные участки).

К середине 1990-х гг. в части первой ГК РФ (разд. II) не удалось сформулировать вещное право как системное нормативное образование в силу различных причин, одной из которых является упомянутое отсутствие развитого института частной собственности на землю (земельные участки). По справедливому замечанию А. Л. Маковского, С. И. Федорова, «система вещно-правовых институтов, норм вещного права и четко соотносящихся законодательных актов, которая была бы адекватна избранному страной... социально-экономическому строю, никогда целенаправленно и последовательно создана не была. В этой области российского гражданского права образовалось бессистемное скопление разнородных юридических конструкций, часть которого сохранилась от принципиально иной экономики прошлого (оперативное управление, постоянное пользование земельным участком), тогда как другая создавалась „по ходу дела“, скорее, как ремонт прежних построек, а не новое строительство (хозяйственное ведение, пожизненное наследуемое владение, российская ипотека)...»¹.

Однако дальнейшее развитие рыночной системы хозяйствования, в том числе в сфере земельных отношений, обуславливало необходимость разработки таких вещно-правовых средств и механизмов, которые могли бы оказывать существенное стимулирующее воздействие на экономику страны. Научные исследования в данном направлении продолжались, активизировавшись к моменту разработки проекта федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – законопроект), предусматривающего существенную редакцию разд. II ГК РФ.

Этот законопроект неоднократно становился предметом парламентских «слушаний» и круглых столов (вплоть до второй половины мая 2015 г.), в ходе которых первоначально не было обнаружено существенных недостатков данного документа. Однако в ходе дальнейших дискуссий выявились разные подходы к реформированию разд. II ГК РФ, что, очевидно, и послужило одной из причин того, что принятие указанного законопроекта Государственной Думой было отложено на неопределенное время.

Как представляется, формирование современной системы вещных прав должно осуществляться на нескольких уровнях: системном, институциональном и иных.

В России, в отличие от ряда европейских стран, системного изложения вещных прав не было никогда: ни в дореволюционный период, ни тем более в советское время, когда большинство ранее существовавших вещно-правовых категорий были изъяты из научного и практического оборота, ни в постсоветский период, когда стали предприниматься энергичные попытки по созданию такой системы.

Нормы о вещных правах должны образовывать именно систему – совокупность тесно взаимосвязанных структурных элементов, целостное явление социально-правовой действительности, выполняющее определенные функции. В этом отношении прежде всего обращает на себя внимание неудачная структура проектируемой системы вещных прав.

В законопроекте предложено новое название разд. II ГК РФ – «Вещное право», а также его новая структура: подразд. 1 «Владение»; подразд. 2 «Общие положения о вещных правах»; подразд. 3 «Право собственности»; подразд. 4 «Ограниченные вещные права». Возникает вопрос: почему структура вещных прав открывается таким элементом, как «владение», а «общие положения о вещных правах» оказались на втором месте? Ведь традиционно всякое нормативное системное образование в структуре ГК РФ – подотрасль, институт и т. д. – открывается «общими положениями», где отражаются правовые признаки, черты, присущие всем входящим в данную систему структурным элементам.

В римской правовой системе категория «владение» понималась как фактическое господство лица над вещью, одновременно соединенное с отношением владельца

¹ Маковский А. Л., Федоров С. И. Проблемы подготовки проектов федеральных законов в сфере частного права: опыт правовой экспертизы (аналитический доклад) // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15. № 2. С. 188–189.

к вещи как к своей или с намерением присвоить ее, что противопоставлялось «держанию», при котором такое намерение отсутствовало даже в случае титульного владения вещью (например, у арендатора, хранителя и т. д.). Однако правовой защите подлежало всякое владение, в том числе фактическое (беститульное) (*possessio*).

По поводу юридической природы категории «владение» в отечественной и зарубежной доктрине высказаны различные мнения. Так, А. В. Коновалов полагает, что «владение» заслуживает признания в качестве самостоятельного вещного права в гражданском праве России¹. Аналогично Л. В. Щенникова говорит о владении как «особом вещном праве»². Противоположную позицию отстаивает Е. А. Суханов, по мысли которого, «нет никаких оснований для отнесения фактического владения к ограниченным вещным правам»³; ниже автор указывает, что нет оснований рассматривать его и как «особое, самостоятельное вещное право, что само по себе не препятствует его гражданско-правовой защите...»⁴.

В отечественной дореволюционной доктрине владение как простое фактическое обладание вещью, не основанное на праве, либо вообще не признавалось в качестве особого вещного права или какого-либо «права вообще»⁵, либо допускалось его понимание как некоего субъективного права «с довольно скудным содержанием», которое в случае спора уступает праву на вещь любого титульного владельца⁶. Напротив, Г. Ф. Шершеневич признавал юридический характер «владения» как категории, противоположной «держанию», не пользующемуся владельческой защитой⁷.

В советский период фактическое (беститульное) владение вещью не являлось предметом дискуссий, поскольку такие вещи приравнивались к «бесхозным» и подлежали обращению в собственность государства.

В германской правовой доктрине, где велись продолжительные и глубокие дискуссии о юридическом значении фактического владения, также сформировались разные подходы к осмыслению указанной проблематики. Так, если Ф. К. Савиньи рассматривал владение как фактическое господство над вещью, то Р. Иеринг – как «реальность собственности» (совпадающую с «фактической стороной собственности»), которая возводит владение в степень «юридического отношения»⁸. Однако господствующей оставалась доктрина Ф. К. Савиньи, Г. Дернбурга, Б. Виндшайда и их последователей, трактовавших владение как сугубо фактическую власть лица в отношении вещи, только как фактическое отношение, хотя и подлежащее правовой защите от самоуправных посягательств третьих лиц⁹. Такой подход является основным и в современной немецкой цивилистической литературе, а также получил отражение в ряде европейских гражданских кодификаций, когда владение обособляется в качестве отдельного правового института, однако признается лишь как «фактическая власть лица над вещью» (§ 854 Германского гражданского уложения; ст. 1140, 1141 Гражданского кодекса Италии; ст. 919 Гражданского кодекса Швейцарии).

С учетом отмеченного возможно сделать следующие выводы.

Во-первых, категория «владение» имеет в литературе различные интерпретации, однако в рамках основного направления она идентифицируется с фактическим осуществлением власти лица над вещью как своей, фактическим отношением, хотя в соответствующих случаях и допускается его правовая защита.

Во-вторых, «владение» не представляет собой однородную (единую) категорию: оно является либо фактом обладания вещью (фактическим отношением), либо элементом (правомочием) соответствующего права в составе юридического содержания различных гражданских правоотношений – обязательственных или вещно-правовых.

¹ Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве: учеб. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 17.

² Щенникова Л. В. Вещное право: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С. 82.

³ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 68.

⁴ Там же. С. 68–69.

⁵ См., например: Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 198–199.

⁶ Хвостов В. М. Система римского права: учеб. М.: Спарк, 1996. С. 273.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 252 и след.

⁸ Иеринг Р. Об основании защиты владения: пересмотр учения о владении. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1883. С. 139, 150.

⁹ Подробнее см.: Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. С. 67.

В-третьих, владение не аккумулирует атрибутивных (сущностных) признаков (черт), характерных для вещных прав; оно не обладает, например, таким важным свойством, как «следование», характерным для любого из элементов в системе вещных прав.

Таким образом, владение не может рассматриваться ни как отдельный (самостоятельный) элемент системы вещных прав или ограниченных вещных прав, ни как самостоятельный институт гражданского права, но это отнюдь не означает, что в ГК РФ, прежде всего в разд. II, не должно быть норм, посвященных владению, в том числе его гражданско-правовой защите. С учетом этого система вещных прав может быть представлена в виде следующих структурных элементов (подразделов): «Общие положения о вещных правах», «Право собственности», «Ограниченные вещные права».

Другое важнейшее направление, касающееся формирования современной системы вещных прав, связано с характеристикой ее внутрисистемных взаимосвязей. А. О. Рыбалов, отвечая на вопрос о том, будет ли достигнута цель построения системы вещных прав, преследуемая в законопроекте, отмечает, что «непротиворечивой системы вещных прав не получится. Логические недостатки предлагаемой системы лежат на поверхности»¹.

Всякая система как родовое явление может включать в себя лишь такие структурные элементы (видовые явления), которые соответствуют прежде всего ее «родовым» признакам, т. е. сущностным свойствам, характерным для всей системы. Однако если сопоставить сформулированное в законопроекте определение вещного права как родового явления с включенными в состав этой системы структурными элементами (видовыми явлениями), то обнаруживается, что по ряду моментов между ними имеются логические противоречия.

Так, в соответствии с положением п. 1 ст. 221 ГК РФ (в ред. законопроекта) «вещное право предоставляет лицу непосредственное господство над вещью и является основанием осуществления вместе или по отдельности правомочий владения, пользования и распоряжения ею в пределах, установленных настоящим Кодексом. Вещное право непосредственно обременяет вещь и следует за вещью». Это означает, что в законопроекте вслед за цивилистической традицией вещное право определено как абсолютное право лица своей властью (право на свои действия) определять юридическую судьбу вещи, не прибегая к использованию действий других лиц. В приведенном определении выделены и такие свойства вещного права, как обременение вещи и «следование» за вещью.

Однако далеко не все права, обозначенные в законопроекте как вещные, соответствуют указанным критериям. Так, в гл. 20.5 «Право приобретения чужой недвижимой вещи» законопроекта говорится, что на основании права приобретения чужой недвижимой вещи лицо имеет исключительное перед другими лицами право на приобретение этой вещи в свою собственность (абз. 1 п. 1 ст. 304). Причем право на приобретение чужой недвижимой вещи возникает у лица на основании соответствующего договора и осуществляется по правилам о договоре, из которого оно возникло (ст. 304.1, п. 6 ст. 304 ГК в ред. законопроекта).

Следовательно, субъективное право приобретения чужой недвижимой вещи носит не вещно-правовой, а обязательственный характер, и с этих позиций трудно понять логику авторов законопроекта, в соответствии с которой данное право включено в качестве структурного элемента в систему вещных прав.

Аналогично, согласно положениям гл. 20.6 «Право вещной выдачи» законопроекта, сущность указанного права заключается в том, что оно «предоставляет его обладателю возможность периодически получать от собственника недвижимой вещи имущественное предоставление в форме товара, денег, работ или услуг в определенном размере (объеме)...» (п. 1 ст. 305). Право вещной выдачи возникает также на основании договора об установлении права вещной выдачи с собственником, а в случаях, предусмотренных законом, по иным основаниям (п. 3 ст. 305). И в данном случае право вещной выдачи по своей сущности представляет собой обязательственное правомочие (правомочие требования от собственника соответствующего имущественно-

¹ Рыбалов А. О. Почему я против реформы вещного права // Закон. 2020. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

го предоставления) и в своем позитивном, не нарушенном, состоянии не является вещно-правовым феноменом.

Можно предположить, что авторы законопроекта позаимствовали юридические конструкции «право вещной выдачи», «право приобретения чужой недвижимой вещи» из немецкой правовой доктрины, однако и в рамках последней вопрос об отнесении указанных конструкций к системе вещных прав решается не столь однозначно.

Вряд ли имеются достаточные основания также для того, чтобы сохранять в системе вещных прав такой «эксклюзив» российской правовой системы, как право оперативного управления (гл. 201.7 законопроекта), которое, как представляется, небесспорно относить к системе вещных прав. Возникшее в конце 1940-х гг. в условиях «огосударственной» экономики, оно исходно отражало в большей мере способ обеспечения контроля и управления собственником (государством) в отношении закрепленного за предприятиями государственного имущества. Однако и в современных условиях, когда круг отношений, регулируемых с использованием права оперативного управления, значительно расширился, вряд ли допустимо рассматривать его в качестве одного из видов ограниченного вещного права – как возможность ограниченного «участия» в чужой собственности.

Еще одно направление, касающееся формирования современной системы вещных прав, состоит в том, что правовое регулирование вещных отношений должно получить системное отражение в законодательстве. В настоящее время вещные права регламентируются в разных законах, причем различной отраслевой принадлежности, в связи с чем соответствующие их нормы нередко не согласуются, а то и противоречат положениям ГК РФ о вещных правах.

Заслуживает внимания соотношение и взаимодействие норм ГК РФ и Земельного кодекса РФ в сфере регулирования вещных отношений. Согласно п. 3 ст. 3 ЗК РФ имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды. В дальнейшем появилось сопутствующее данному установлению изменение в п. 1 ст. 264 ГК РФ, в соответствии с которым земельные участки могут предоставляться их собственниками другим лицам на условиях и в порядке, которые предусмотрены гражданским и земельным законодательством.

Такой «дуалистический» подход к регулированию вещно-правовых отношений является базой для возникновения «несогласованностей» и противоречий в законодательстве. Так, согласно законопроекту виды сервитутов и порядок их установления определяются ГК РФ. Объем предоставляемых сервитутом прав определяется названным Кодексом и только в предусмотренных им случаях – иными законами. Более того, установление сервитутов, не предусмотренных ГК РФ, не допускается (п. 5 ст. 301 ГК в ред. законопроекта).

Приведенные положения, очевидно, предполагают исключение норм о сервитутах (их видах и порядке установления) из содержания ЗК РФ, равно как и из иного, не гражданско-правового, законодательства. Однако современное развитие ЗК РФ свидетельствует, скорее, об обратном. Так, общие положения о сервитутах закреплены в ГК РФ (ст. 274, 277), однако сервитутные отношения регламентируются и в ЗК РФ. В частности, согласно п. 3 ст. 23 ЗК РФ публичный сервитут устанавливается в соответствии с настоящим Кодексом. Более того, далее указывается, что к правоотношениям, возникающим в связи с установлением, осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, положения ГК РФ о сервитуте не применяются.

В некоторых случаях имеет место «дублирование» норм, регулирующих сервитутные отношения. Например, такой момент, как «платность» сервитута, закреплен одновременно в ГК РФ (п. 5 ст. 274) и ЗК РФ (ст. 23).

Подобные «несогласованности» и коллизии в регулировании вещно-правовых отношений характерны не только для ГК РФ и ЗК РФ, но и для ряда иных законов – Градостроительного кодекса РФ (аренда земельного участка для строительства и эксплуатации наемного дома – ст. 55.28); Жилищного кодекса РФ, в который включена

специальная гл. 18 «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения»; Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ст. 52) и т. д. Безусловно, это порождает не только острые дискуссии в теории, но и серьезные трудности в правоприменительной практике.

Резюмируем сказанное.

1. Вещное право в России стало возрождаться с начала 90-х гг. прошлого столетия, и затем в части первой ГК РФ 1994 г. было сформировано нормативное образование в виде разд. II «Право собственности и другие вещные права», нормы которого в течение длительного времени остаются законодательной базой для регулирования вещно-правовых отношений.

2. Совокупность норм о вещных правах, содержащихся в части первой ГК РФ, характеризуется рядом особенностей. Так, подавляющее число этих норм посвящены праву собственности, а ограниченные вещные права представлены в виде достаточно «скудного» их перечня; земельный участок и находящиеся на нем иные объекты недвижимости не представляют собой единого объекта вещного права, что не соответствует известному принципу *superficies solo cedit*, устанавливающему единство судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов недвижимости, когда последние следуют судьбе земельного участка.

3. Современное законодательство, регулирующее вещно-правовые отношения, характеризуется несогласованностью.

4. Нормативное образование, содержащееся в разд. II части первой ГК РФ, невозможно оценить как полноценную систему вещных прав, поскольку в нем отсутствует «общая часть», необходимая структурная организация (построение) и взаимодействие между его элементами, а также некоторые другие атрибуты, характерные для формирований системного типа.

5. Вещные права, установленные действующим законодательством, не отражают в необходимой мере потребности современного экономического оборота, не способствуют надлежащей охране и защите прав и законных интересов субъектов в указанной сфере и нуждаются в реформировании и систематизации. Разработка и закрепление в ГК РФ новой системы вещных прав должны осуществляться с учетом основополагающего положения о том, что сама система вещных прав, а также порядок их установления должны быть закреплены в ГК РФ, а особенности, касающиеся объема этих прав, специфика их реализации в тех или иных сферах могут регулироваться другими законами в предусмотренных ГК РФ случаях.

Список литературы

Ахметьянова З. А. Вещное право: учеб. М.: Статут, 2011. 360 с.

Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2010. Т. 1. 1008 с.

Иеринг Р. Об основании защиты владения: пересмотр учения о владении. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1883. 179 с.

Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве: учеб. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 335 с.

Маковский А. Л., Федоров С. И. Проблемы подготовки проектов федеральных законов в сфере частного права: опыт правовой экспертизы (аналитический доклад) // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15. № 2. С. 153–212.

Рыбалов А. О. Почему я против реформы вещного права // Закон. 2020. № 3. С. 126–131.

Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.

Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

Суханов Е. А. Развитие института вещных прав при переходе к рынку // Гражданское право России при переходе к рынку: сб. науч. ст. преподавателей кафедры гражданского права юрид. фак. МГУ, посвящ. памяти проф. В. П. Грибанова / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: ДЕ-ЮРЕ, 1995. Вып. 26. С. 73–92.

Хвостов В. М. Система римского права: учеб. М.: Спарк, 1996. 521 с.

Хохлов С. А. Право собственности и другие вещные права // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М.: Междунар. центр финансово-экон. развития, 1998. С. 385–406.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. 556 с.

Щенникова Л. В. Вещное право: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 240 с.

References

- Akhmet'yanova Z. A. (2011) *Veshchnoe pravo* [Property law]. Moscow, Statut, 360 p.
- Iering R. (1883) *Ob osnovanii zashchity vladeniya: peresmotr ucheniya o vladenii* [On the basis of the protection of possession: a revision of the doctrine of possession]. Moscow, Tip. A. I. Mamontova i K^o, 179 p.
- Khokhlov S. A. (1998) *Pravo sobstvennosti i drugie veshchnye prava* [Property right and other property rights]. In Makovskii A. L. (Ed.) *Grazhdanskii kodeks Rossii: Problemy. Teoriya. Praktika*. Moscow, Mezhdunarodnyi tsentr finansovo-ekonomicheskogo razvitiya, pp. 385–406.
- Khvostov V. M. (1996) *Sistema rimskogo prava* [The system of Roman law: textbook]. Moscow, Spark, 521 p.
- Konovalov A. V. (2002) *Vladenie i vadel'cheskaya zashchita v grazhdanskom prave* [Ownership and ownership protection in civil law]. 2nd ed. Saint Petersburg, Yurid. tsentr Press, 335 p.
- Makovskii A. L., Fedorov S. I. (2015) *Problemy podgotovki proektov federal'nykh zakonov v sfere chastnogo prava: opyt pravovoi ekspertizy (analiticheskii doklad)* [Problems of preparing draft federal laws in the field of private law: experience of legal expertise (an analytical report)]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 15, no. 2, pp. 153–212.
- Rybalov A. O. (2020) *Pochemu ya protiv reformy veshchnogo prava* [Why am I against the reform of property law]. In *Zakon*, no. 3, pp. 126–131.
- Sergeev A. P. (2010) *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]: in 3 vols. Moscow, RG-Press, vol. 1, 1008 p.
- Shchennikova L. V. (2001) *Veshchnoe pravo* [Property law]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta, 240 p.
- Shershenevich G. F. (2005) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]: in 2 vols. Moscow, Statut, vol. 1, 556 p.
- Sinaiskii V. I. (2002) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Moscow, Statut, 638 p.
- Sukhanov E. A. (1995) *Razvitie instituta veshchnykh prav pri perekhode k rynku* [Development of the institute of property rights in the transition to the market]. In Sukhanov E. A. (Ed.) *Grazhdanskoe pravo Rossii pri perekhode k rynku*. Moscow, DE-YuRE, iss. 26, pp. 73–92.
- Sukhanov E. A. (2017) *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Real law: a scientific and educational essay]. Moscow, Statut, 560 p.

КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ ОБЩИМИ И СПЕЦИАЛЬНЫМИ ГРАЖДАНСКИМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ НОРМАМИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Плотников Дмитрий Александрович

Доцент кафедры гражданского права и процесса Вятского государственного университета, доцент кафедры юридических дисциплин Кировского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета (Киров), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-0288-9267, e-mail: plotnikowprawo@yandex.ru.

Современная правоприменительная практика свидетельствует о том, что законодателем так и не сформулирована концепция разрешения коллизий между гражданскими процессуальными нормами, содержащимися в различных источниках. На практике это неизбежно приводит к сложностям при определении того, какая из указанных норм является приоритетной, а также к вопросу о соотношении этих норм как общих и специальных. Не разрешают указанную проблему и обширные теоретические исследования как советского, так и постсоветского периодов. Среди ученых нет единства и по вопросу о дальнейшем совершенствовании законодательства в целях преодоления коллизий между различными гражданскими процессуальными нормами. Автор делает вывод, что наличие коллизий свидетельствует о невысоком уровне развития системы гражданского процессуального права, поэтому первым шагом на пути их преодоления является не только разработка механизма их разрешения, но и определение ядрообразующего фактора формирования системы гражданского процессуального права. Доказывается, что одной из причин наличия коллизий является неопределенность предмета гражданского процессуального права, что приводит к размещению его норм в различных источниках законодательства.

Ключевые слова: система гражданского процессуального права, общая гражданская процессуальная норма, специальная гражданская процессуальная норма, коллизия, принципы гражданского процессуального права

Для цитирования: Плотников Д. А. Коллизии между общими и специальными гражданскими процессуальными нормами как предпосылка совершенствования системы гражданского процессуального права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 27–36. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_27.

CONFLICTS BETWEEN GENERAL AND SPECIAL CIVIL PROCEDURAL RULES AS A PREREQUISITE FOR IMPROVING THE SYSTEM OF CIVIL PROCEDURAL LAW

Plotnikov Dmitry

Associate professor, Vyatka State University, Kirov branch (institute) of the Moscow University of Humanities and Economics (Kirov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-0288-9267, e-mail: plotnikowprawo@yandex.ru.

Modern law enforcement practice indicates that the legislator has not formulated an idea about how to resolve conflicts between civil procedural rules contained in various sources. In practice, this inevitably leads to difficulties in determining which of these rules has priority, as well as to the question about the relationship between these rules as general and special ones. Extensive theoretical studies of both the Soviet and post-Soviet periods do not solve this problem. Among scholars, there is no

mutual understanding of how to develop the legislation in order to overcome conflicts between various civil procedural rules. The author concludes that the existence of conflicts indicates the low level of development of the system of civil procedure. Therefore, the first step towards reducing conflicts is not only to develop a mechanism for resolving them but also to determine a vital factor in the formation of the system of civil procedural law. It is proved that one of the reasons for the existence of conflicts is the uncertainty of the subject of civil procedural law that leads to placement of civil procedural rules in various sources of legislation.

Key words: civil procedural law system, general civil procedural rule, special civil procedural rule, conflict, principles of civil procedural law

*For citation: Plotnikov D. (2021) Conflicts between general and special civil procedural rules as a prerequisite for improving the system of civil procedural law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 27–36, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_27.*

Одной из проблем теоретического и практического характера как в теории права, так и в отдельных отраслях права выступает соотношение общих и специальных норм, определение способов преодоления коллизий между равными по юридической силе нормативными правовыми актами, кодифицированными и некодифицированными актами¹. Предпосылками для научного обсуждения указанных вопросов является отсутствие явно выраженной позиции законодателя о том, какие нормы гражданского процессуального права считать общими, а какие – специальными, а также об их признаках². Более того, законодатель так и не определил правовой механизм преодоления конфликта как между нормами ГПК РФ, так и нормами ГПК РФ и иных нормативных правовых актов (в частности, СК РФ, ТК РФ, ГК РФ и т. д.).

В настоящее время законодатель, описывая в ст. 1 ГПК РФ систему гражданского процессуального законодательства, не обозначает возможность выявления коллизий между равными по уровню источниками, а также внутри ГПК РФ. Вместе с тем именно в ст. 1 ГПК РФ логично было бы разрешить вопрос о преодолении коллизий между гражданскими процессуальными нормами. Например, ст. 54 ГПК РФ закрепляет, что такое право, как предъявление искового заявления, должно быть специально оговорено в доверенности. При этом п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ допускает возможность предъявления искового заявления иным лицом, чем то, которое его подписало. На практике неизбежно возникает вопрос об определении того, какая из указанных норм является приоритетной. Суды в данной ситуации приходят к выводу, что лицо не имеет права на предъявление иска, и выносят определение о возвращении искового заявления. Однако в данном случае налицо неверное определение общей и специальной нормы. При вынесении любого определения суд руководствуется именно той нормой, которая закрепляет основания для совершения конкретного процессуального действия. Следовательно, именно норма п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ является специальной по отношению к положениям ст. 54 ГПК РФ.

Другим ярким примером коллизий норм внутри ГПК РФ выступает применение норм об обеспечении иска на стадии возбуждения гражданского дела. Согласно ст. 133 ГПК РФ срок стадии возбуждения гражданского дела составляет пять дней. В то же время ст. 141 ГПК РФ закрепляет, что заявление об обеспечении иска рассматривается в день его поступления в суд. Соответственно, если в исковом заявлении содержится требование об обеспечении иска, перед судом встает вопрос о том, какая из статей (ст. 133 или ст. 141 ГПК РФ) является приоритетной и в какой срок не-

¹ Гурьянова В. В. Проблемы определения понятия, структуры, особенностей и функционального назначения коллизионных норм национального права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 33–39; Потапенко Е. Г. Общие нормы в системе цивилистического процессуального права: элементарный срез // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 3–6; Милинчук Д. С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018; Семякин М. Н. Интеграция и дифференциация норм российского гражданского законодательства как важнейшие тенденции его реформирования // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 61.

² Потапенко Е. Г. Парные нормы цивилистического процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 9–13.

обходимо разрешить вопрос об обеспечении иска. Аналогичная ситуация возникает при соотношении норм ч. 3 ст. 114 ГПК РФ и ст. 131–132 ГПК РФ в части распределения обязанности суда направить копию искового заявления ответчику.

Данные примеры свидетельствуют о несовершенстве гражданских процессуальных норм, о наличии проблемы «множественности» этих норм, содержащихся не только в ГПК РФ, а следовательно, о необходимости исследования вопроса о влиянии системы гражданского процессуального права на разрешение конкуренции гражданских процессуальных норм.

На теоретическом уровне вопросами соотношения общих и специальных норм занимаются представители разных отраслей права, в первую очередь теории права¹. Они отмечают, что «конкурирующие нормы права, как и коллизии вообще, ставят правоприменителя в ситуацию выбора нормы, они затрудняют процесс правореализации»²; «в действующем федеральном законодательстве не найти норм либо нормативных обобщений, посвященных решению вопроса о соотношении хронологического и содержательного критериев преодоления коллизий»³. При этом в теории права упоминаются коллизионные правила отраслевого приоритета: «Последующий закон отменяет действие предыдущего»⁴; «Общий закон устанавливает общее правило поведения; специальный закон содержит исключение из общего правила»⁵. Однако эти правила действуют только в рамках одной отрасли права. При этом «нормы различных отраслей права по определению не могут конкурировать. Соответственно, вопрос о приоритете между ними ставить некорректно, так как нормы права должны закрепляться в пределах предмета той или иной отрасли права. Анализ российского законодательства показывает, что в нем регулируются межотраслевые связи общей и специальной норм права, за исключением уголовного и административного права. Этот факт и задает пределы применения правила „специальный закон отменяет действие общего“: оно может применяться только к нормам одной и той же отрасли законодательства»⁶.

Конституционная практика свидетельствует о формировании ряда правовых позиций по вопросу преодоления коллизий норм права. В частности, Конституционным Судом РФ сформулировано правило о том, что «в случае коллизии между законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регламентации соответствующих правоотношений»⁷; за кодифицированным актом нет абсолютного приоритета над другими нормативными правовыми актами⁸.

Указанная проблематика привлекала внимание доктрины гражданского процессуального права, начиная с советского периода. При этом вопрос разрешения коллизий между гражданскими процессуальными нормами в советский период был исследован фрагментарно. В частности, в работе Н. А. Чечиной, посвященной нормам гражданского процессуального права, данный вопрос не нашел должного отраже-

¹ Борисова Л. Н. Общая теория процессуальных норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 169 с.

² Гуцина Н. А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы // Современное право. 2016. № 5. С. 6.

³ Петров А. А. Совпадение содержательной и темпоральной коллизий правовых норм // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 32.

⁴ Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РАП, ВолтерсКлувер, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Морозова Л. А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // Lex russica. 2017. № 6. С. 33.

⁶ Занина М. А. Указ. соч.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2015 г. № 9-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О по жалобе граждан С. В. Бородин, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

ния¹. В работах А. Т. Боннера и О. Ч. Хускивадзе только констатировалось, что нормы гражданского процессуального права в ряде случаев содержатся в материально-правовых актах².

Все позиции ученых по вопросу преодоления коллизий гражданских процессуальных норм, выдвинутые с 1980-х гг. и по настоящее время, можно разделить на две группы: одни ученые обосновывают преодоление коллизий посредством включения всех гражданских процессуальных норм в единый кодекс, а другие отстаивают возможность закрепления гражданских процессуальных норм в различных источниках (ГПК и источниках материального права), но с разработкой механизма преодоления коллизий.

Согласно первому подходу причиной коллизий гражданских процессуальных норм выступает их разрозненность, закрепление в разных источниках. Представители данного подхода отмечают ошибочность включения в источники, относящиеся к иным отраслям права, гражданских процессуальных норм. Основным их предложением по совершенствованию законодательства является формирование такой структуры кодекса, которая смогла бы обеспечить зеркальность гражданского процессуального права и гражданского процессуального законодательства. В связи с этим ученые предлагают различные концепции структурирования ГПК, направленные на преодоление коллизий гражданских процессуальных норм.

По мнению Н. М. Костровой, одним из дискуссионных вопросов является определение правовой природы тех процессуальных норм, которые закреплены в семейном законодательстве. Такие процессуальные нормы нужно рассматривать либо как разновидность семейных норм, либо как гражданские процессуальные нормы. Для решения обозначенной проблемы Н. М. Кострова предлагает новый вариант структурирования ГПК. В частности, в раздел «Производство в суде первой инстанции» после подраздела «Исковое производство» предложено включить подразделы, посвященные производствам по отдельным категориям дел³.

О. В. Баулин пишет, что «противоречия между общими и специальными правилами, закрепление в законодательстве положений, не имеющих нормативного характера, осложняют правоприменительную деятельность, приводят к ошибкам при разрешении гражданских дел. Нередки случаи, когда судебные ошибки допускаются именно вследствие того, что применяются общие правила вместо конкурирующих с ними специальных. Игнорирование специфики рассмотрения отдельных категорий дел часто объясняется рассредоточенностью специальных норм, их несогласованностью с общими установлениями, использованием в процессуальных установлениях терминов материального права, несоответствием системы гражданского процессуального права системе законодательства»⁴. По мнению О. В. Баулина, специальные нормы гражданского процессуального права «должны быть компактно обособлены в ГПК в виде отдельных глав, устанавливающих особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел»⁵.

Е. В. Слепченко также обращается к вопросу о структуре гражданского процессуального законодательства, выделяя в нем общую (разд. I «Общие положения» и разд. II «Стадии гражданского судопроизводства») и особенную части (разд. III «Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел»). Однако данный автор ограничивается указанием на необходимость дифференциации процессуальных правил и разработки общих и специальных правил гражданского судопроизводства⁶.

¹ Чечина Н. А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965.

² Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 2: Источники гражданского процессуального права. М.: Проспект, 2017. С. 5; Хускивадзе О. Ч. Источники гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 10.

³ Кострова Н. М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 28, 35.

⁴ Баулин О. В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 2.

⁵ Баулин О. В. Указ. соч. С. 15.

⁶ Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 15–16.

При этом Н. М. Кострова, О. В. Баулин, Е. В. Слепченко оставляют без должного внимания вопрос о преодолении коллизий гражданских процессуальных норм. Следует поддержать их мнение о том, что включение гражданских процессуальных норм в один источник снимет ряд коллизионных проблем применительно к внешним коллизиям (ГПК РФ и СК РФ, ГПК РФ и ТК РФ и т. д.). Однако выделение в гражданском процессуальном законодательстве общей и специальной частей не разрешит всех возможных коллизий гражданских процессуальных норм (как внутренних, так и внешних).

Размещение специальных гражданских процессуальных норм в отдельных главах не снимает проблему внутренних противоречий, так как нет механизма разрешения коллизий внутри самой отрасли права. И здесь перед научным сообществом встает вопрос о необходимости четкого формулирования общих положений гражданского процессуального права. Речь идет не просто о введении в ГПК РФ отдельной главы, посвященной принципам гражданского процессуального права, но и о включении положений, определяющих соотношение принципов и иных норм гражданского процессуального права, способы толкования иных норм гражданского процессуального права посредством принципов гражданского процессуального права, а также юридические последствия неверного применения таких принципов.

Обратимся к примеру из судебной практики. Мировым судьей вынесено определение¹, в соответствии с которым исковое заявление по иску о взыскании неосновательного обогащения при осуществлении защиты прав потребителей Андреева Д. В. к АО «ОТП-Банк» оставлено без движения. В качестве причины для оставления искового заявления без движения мировым судьей указана необходимость представления доказательств, подтверждающих возникновение с ответчиком правоотношений, регулируемых Законом РФ «О защите прав потребителей». Однако данное требование суда противоречит нормам ГПК РФ, так как на стадии принятия искового заявления определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, является преждевременным, а предоставленных заявителем при обращении с иском в суд документов недостаточно для определения характера правоотношений сторон. Определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, согласно ст. 148 ГПК РФ, является задачей стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

В дальнейшем определение мирового судьи было отменено на том основании, что те действия, которые были предложены истцу для выполнения в целях устранения недостатков поданного им иска, должны и могли быть совершены на стадии подготовки дела к судебному разбирательству². Следовательно, требование суда о представлении дополнительных документов на стадии возбуждения гражданского дела входит в противоречие с принципом состязательности, в соответствии с которым представление доказательств является правом стороны, а не ее обязанностью. На это обстоятельство обращено внимание в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке дела к судебному разбирательству» и определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 августа 2016 г. № 117-КП6-2, в котором указано: «С учетом того, что гражданским процессуальным законодательством не предусмотрено обязанности истца представления оригиналов документов при подаче искового заявления, то у судьи не имелось оснований для вынесения определения об оставлении искового заявления без движения, а затем для его возвращения, а потому были нарушены требования статей 2, 132, 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Таким образом, судом неверно истолкованы нормы ст. 131–132 ГПК РФ. С одной стороны, требование о предъявлении подтверждающих документов прямо вытекает из норм ГПК РФ. С другой – судом данная норма должна применяться сквозь призму принципов и тогда она может быть истолкована иначе. В этом видится практическое значение применения принципов гражданского процессуального права как инструмента преодоления коллизий.

¹ Определение мирового судьи судебного участка № 21 Куменского судебного района Кировской области от 30 октября 2017 г. (из личного архива Д. А. Плотникова).

² Апелляционное определение Куменского районного суда Кировской области от 19 января 2018 г. по делу № 11-1/2018 (из личного архива Д. А. Плотникова).

Сущность второго подхода (повторим) состоит в возможности закрепления гражданских процессуальных норм не только в едином кодексе, но и иных нормативных правовых актах. При этом невозможность включения всех существующих гражданских процессуальных норм в один источник объясняется удобством для правоприменителей, нецелесообразностью дробления смежных норм материального и процессуального права, необходимостью учитывать специфику материальных отношений в делах той или иной категории. При этом представители указанного подхода осознают наличие коллизий и формулируют свои предложения по их преодолению.

По мнению В. М. Шерстюка, «значительное количество процессуальных норм находится в кодифицированных и некодифицированных актах материального права»¹. При этом он указывает на возможность и целесообразность размещения процессуальных норм в материально-правовых актах. Однако здесь основной вопрос состоит в установлении правового механизма разрешения коллизий. Сам факт включения той или иной нормы в общую или особенную часть не позволяет снять возникающий на практике вопрос о том, какая из норм – общая или специальная – имеет приоритет. С одной стороны, В. М. Шерстюком разработана система общих и специальных гражданских процессуальных норм, а с другой – не предложен вариант разрешения коллизий между ними.

Я. Ф. Фархтдинов отмечает, что «процессуальные нормы, содержащиеся в нормативных актах материального права, имеют специальный характер и потому не должны противоречить общим положениям ГПК, а сами эти акты являются специальными источниками гражданского процессуального права»². Указанный автор верно обращает внимание на отсутствие установленной законодателем процедуры определения приоритета гражданской процессуальной нормы в зависимости от источника закрепления. Однако предложенный вариант преодоления коллизий не является общепринятым. В частности, Е. А. Позднякова и О. С. Батова придерживаются позиции о необходимости отказа от применения правила о приоритете специальных норм над общими, так как это «недопустимо с точки зрения самостоятельности отраслей материального и процессуального права, особенностей их предмета и метода правового регулирования»³ и нарушает принцип верховенства процессуального законодательства при включении процессуальных норм в материальные отрасли права⁴.

М. А. Магомедова обосновывает, что «если специальные правила противоречат сущности процессуального права или его основных институтов, они должны быть приведены в соответствие с процессуальным законодательством; если же содержащиеся в специальных нормах правила более эффективны в регулировании процессуального порядка защиты конкретного субъективного права, они должны быть учтены в общих процессуальных нормах»⁵.

Следует отметить позицию Д. В. Малыгина, который вводит в научный оборот термин «коллизионные гражданские процессуальные нормы». При этом он рассматривает преодоление коллизий через призму принципа законности. Заслуживает внимания то, что отказ от деления на общие и специальные нормы в пользу коллизионных показывает некую искусственность такого деления, необходимого для обоснования деления отрасли права на общую и особенную части. В результате Д. В. Малыгин предлагает ввести статью, посвященную принципу законности в гражданском судопроизводстве, включив в нее следующую содержательную коллизионную норму: «Суд, установив в ходе производства по гражданскому делу несоответствие нормы

¹ Шерстюк В. М. Основные проблемы системы гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 24.

² Фархтдинов Я. Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 33.

³ Позднякова Е. А. Особенности гражданских процессуальных норм, содержащихся в Семейном кодексе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. С. 9.

⁴ Батова О. С. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 14.

⁵ Магомедова М. А. Теория и практика взаимодействия арбитражного процессуального и материальных отраслей права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 15–16.

федерального закона, регулирующей гражданские процессуальные отношения, настоящему Кодексу, принимает решение, руководствуясь настоящим Кодексом»¹. Однако автор не учитывает, что на практике могут возникать коллизии внутри ГПК РФ, и не уточняет, как выходить из указанной ситуации.

Из последних работ по изучаемой проблематике следует обратить внимание на монографию Н. В. Самсонова². В ней даны ответы на вопросы о соотношении кодифицированного и некодифицированного законодательства, кодексов и федеральных конституционных законов, норм гражданского процессуального права, содержащихся в ГПК РФ и иных нормативных правовых актах. Автор выдвигает конкретные предложения по совершенствованию законодательства в части коллизий. Например, он утверждает, что в тексте того или иного нормативного правового акта следует установить правило о его приоритете над остальными актами того же уровня, регулирующими ту же сферу общественных отношений³; в случае возникновения коллизий между специальными законами, регулирующими процессуальные особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел, приоритет должен отдаваться не ГПК РФ⁴. При этом автор в качестве обоснования расщепления гражданского процессуального законодательства на ГПК РФ и иные источники указывает, что «подобное сужение сферы действия и такая конкретизация предмета регулирования дает законодателю возможность регламентировать процессуальные отношения более детально, позволяет наиболее полно учитывать специфику материальных отношений дел той или иной категории»⁵.

Обзор позиций второго направления позволяет утверждать, что многими авторами подробно разработан вопрос о преодолении коллизий гражданских процессуальных норм. Следует признать, что проведенная работа заслуживает одобрения и вносит вклад в развитие науки гражданского процессуального права. Вместе с тем обсуждение вопроса о механизме разрешения коллизий свидетельствует о более сложной проблеме, от которой представители второго направления сознательно или неосознанно уходят. Речь идет о том, что разработка способов преодоления коллизий является сигналом несовершенства системы гражданского процессуального права. И чем больше таких способов преодоления коллизий предлагается профессиональным сообществом, тем больше это свидетельствует о бессистемности формирования гражданского процессуального законодательства.

Подведем итоги проведенному исследованию.

Во-первых, в доктрине гражданского процессуального права сформировалось два основных подхода к преодолению коллизий гражданских процессуальных норм: либо включение всех гражданских процессуальных норм в единый кодекс, либо размещение гражданских процессуальных норм в различных источниках с разработкой способов преодоления коллизий. В целом поддерживая представителей первого направления в части кодификации гражданского процессуального права в одном источнике, считаем это недостаточным в современных условиях. Даже удачное распределение гражданских процессуальных норм по разделам, частям кодекса будет лишь частичным решением проблем, связанных с возникновением коллизий, в первую очередь внешних. При этом без должного внимания остается вопрос о внутренних коллизиях гражданских процессуальных норм.

Во-вторых, отнесение гражданских процессуальных норм к материальному праву второй группой исследователей искажает смысл отраслевого деления норм права и порождает новые коллизионные проблемы, выступает дополнительным фактором размывания отрасли гражданского процессуального права. Следовательно, перед современной наукой гражданского процессуального права возникает задача по формулированию содержания отрасли гражданского процессуального права и законодательства с учетом конституционного и отраслевого понимания правосудия,

¹ *Малыхин Д. В.* Гражданская процессуальная норма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 10.

² *Самсонов Н. В.* Источники российского гражданского процессуального права: моногр. М.: РГУП, 2020.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 103.

его целей и целей гражданского судопроизводства, характера правоотношений, развития цифровых (виртуальных) правоотношений, ответа на вопрос о тождестве между гражданским процессуальным правом и гражданским процессуальным законодательством.

В-третьих, в научном сообществе не сформировалось единого мнения о механизме преодоления коллизий. Дискуссия чаще всего сводится к обсуждению понятия и признаков общей и специальной норм, приоритета одной нормы перед другой. Данные вопросы, безусловно, нуждаются в конкретизации. Вместе с тем незаслуженно оставлен без внимания вопрос о влиянии принципов гражданского процессуального права на преодоление коллизий (внутренних и внешних). В качестве причины такого игнорирования можно назвать фрагментарное регулирование категории принципов. До тех пор, пока законодателем не будет закреплено понятие принципов гражданского процессуального права, не будут раскрыты существенные характеристики каждого из них, доктрина и законодатель будут испытывать сложности при разрешении внутренних и внешних коллизий. При этом нужно исходить из необходимости не просто введения в ГПК РФ отдельной главы, посвященной принципам гражданского процессуального права, но и включения положений, определяющих соотношение принципов и иных норм гражданского процессуального права, способы толкования иных норм посредством принципов гражданского процессуального права, а также юридические последствия неверного применения таких принципов. Следовательно, принципы гражданского процессуального права выступают ядробразующим фактором преодоления коллизий гражданских процессуальных норм и определения структуры гражданского процессуального права.

Список литературы

Батова О. С. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 31 с.

Баулин О. В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 15 с.

Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 2: Источники гражданского процессуального права. М.: Проспект, 2017. 352 с.

Борисова Л. Н. Общая теория процессуальных норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 169 с.

Гурьянова В. В. Проблемы определения понятия, структуры, особенностей и функционального назначения коллизионных норм национального права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 33–39.

Гущина Н. А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы // Современное право. 2016. № 5. С. 5–8.

Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РАП, ВолтерсКлувер, 2010. 144 с.

Кострова Н. М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. 51 с.

Магомедова М. А. Теория и практика взаимодействия арбитражного процессуального и материальных отраслей права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 28 с.

Малыхин Д. В. Гражданская процессуальная норма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 28 с.

Милинчук Д. С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 219 с.

Морозова Л. А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // Lex russica. 2017. № 6. С. 32–38.

Петров А. А. Совпадение содержательной и темпоральной коллизий правовых норм // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 28–41.

Позднякова Е. А. Особенности гражданских процессуальных норм, содержащихся в Семейном кодексе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 24 с.

Потапенко Е. Г. Общие нормы в системе цивилистического процессуального права: элементарный срез // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 3–6.

Потапенко Е. Г. Парные нормы цивилистического процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 9–13.

Самсонов Н. В. Источники российского гражданского процессуального права: моногр. М.: РГУП, 2020. 384 с.

Семякин М. Н. Интеграция и дифференциация норм российского гражданского законодательства как важнейшие тенденции его реформирования // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 61–72.

Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 29 с.

Фархтдинов Я. Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 56 с.

Хускивадзе О. Ч. Источники гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 20 с.

Чечина Н. А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965. 31 с.

Шерстюк В. М. Основные проблемы системы гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. 44 с.

References

Batova O. S. (2007) *Protsessual'nye osobennosti rassmotreniya sporov, svyazannykh s vospitaniem detei: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural features of the consideration of disputes related to the upbringing of children: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 31 p.

Baulin O. V. (1995) *Spetsial'nye normy v grazhdanskom protsessual'nom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Special norms in civil procedural law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 15 p.

Bonner A. T. (2017) *Izbrannye trudy: in 7 vols. Vol. 2: Istochniki grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Selected works: in 7 vols. Vol. 2: Sources of civil procedural law]. Moscow, Prospekt, 352 p.

Borisova L. N. (2004) *Obshchaya teoriya protsessual'nykh norm prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [General theory of procedural norms of law: a candidate of legal sciences thesis]. Rostov-on-Don, 169 p.

Chechina N. A. (1965) *Normy grazhdanskogo protsessual'nogo prava i ikh primeneniye: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Norms of civil procedural law and the application of them: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Leningrad, 31 p.

Farkhtdinov YA. F. (2002) *Istochniki grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Sources of civil procedural law of the Russian Federation: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 56 p.

Gur'yanova V. V. (2016) Problemy opredeleniya ponyatiya, struktury, osobennostei i funktsional'nogo naznacheniya kollizionnykh norm natsional'nogo prava [Problems of definition of the concept, structure, features and functional purpose of conflict norms of national law]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 11, pp. 33–39.

Gushchina N. A. (2016) *Kollizii obshchikh i spetsial'nykh norm prava ravnoi yuridicheskoi sily* [Conflicts of general and special rules of law of equal legal force]. In *Sovremennoe pravo*, no. 5, pp. 5–8.

Khuskivadze O. CH. (1981) *Istochniki grazhdanskogo protsessual'nogo prava: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk* [Sources of civil procedural law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 20 p.

Kostrova N. M. (1988) *Teoriya i praktika vzaimodeistviya grazhdanskogo protsessual'nogo i semeinogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The theory and practice of interaction of civil procedural and family law: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 51 p.

Magomedova M. A. (2002) *Teoriya i praktika vzaimodeistviya arbitrazhnogo protsessual'nogo i material'nykh otraslei prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Theory and practice of interaction of arbitration procedural and material branches of law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 28 p.

Malykhin D. V. (2005) *Grazhdanskaya protsessual'naya norma: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [A civil procedural norm: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 28 p.

Milinchuk D. S. (2018) *Kollizionnoe pravo kak mezhotraslevoi institut rossiiskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Conflict law as an intersectoral institution of Russian law: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 219 p.

Morozova L. A. (2017) Problemy tipologii yuridicheskikh kollizii (sovremennaya traktovka) [Problems of the typology of legal conflicts (modern interpretation)]. In *Lex russica*, no. 6, pp. 32–38.

Petrov A. A. (2017) *Sovpadeniye soderzhatel'noi i temporal'noi kollizii pravovykh norm* [Coincidence of content and temporal conflicts of legal norms]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 8, pp. 28–41.

Potapenko E. G. (2019) *Parnye normy tsivilisticheskogo protsessual'nogo prava* [Paired norms of civil procedural law]. In *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, no. 5, pp. 9–13.

Potapenko E. G. (2020) *Obshchie normy v sisteme tsivilisticheskogo protsessual'nogo prava: ehlementarnyi srez* [General norms in the system of civil procedural law: an elementary cut]. In *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, no. 9, pp. 3–6.

Pozdnyakova E. A. (2007) *Osobennosti grazhdanskikh protsessual'nykh norm, sodержashchikh-sya v Semeinom kodekse Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Features of civil procedural norms contained in the Family Code of the Russian Federation: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Voronezh, 24 p.

Samsonov N. V. (2020) *Istochniki rossiiskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Sources of Russian civil procedural law]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiya, 384 p.

Semyakin M. N. (2020) Integratsiya i differentsiatsiya norm rossiiskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva kak vazhneishie tendentsii ego reformirovaniya [Integration and differentiation of norms of the Russian civil legislation as the most essential trends in its reforming]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 61–72.

Sherstyuk V. M. (1989) *Osnovnye problemy sistemy grazhdanskogo protsessual'nogo prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [The main problems of the system of civil procedural law: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 44 p.

Slepchenko E. V. (2011) *Grazhdanskoe sudoproizvodstvo: problemy edinstva i differentsiatsii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Civil legal proceedings: problems of unity and differentiation: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Saint Petersburg, 29 p.

Zanina M. A. (2010) *Kollizii norm prava ravnoi yuridicheskoi sily (ponyatie, prichiny, vidy)* [Conflicts of legal norms of equal legal force (concept, causes, types)]. Moscow, RAP, VoltersKluver, 144 p.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Лазутин Лев Александрович

Заведующий кафедрой международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0002-3479-6612, e-mail: mp@usla.ru.

Лихачев Максим Александрович

Доцент кафедры международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-7848-5007,
e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

Международное право незаслуженно занимает второстепенное место в современном учебном процессе. Такое положение расходится не только с высоким научным и исследовательским интересом к международно-правовой проблематике, но и растущим влиянием международного права на внутренний правопорядок. Наряду с этим увеличивается спрос на кадры с профильной подготовкой для отстаивания интересов страны в конкурентной межгосударственной среде. Авторы кратко оценивают место международно-правовых дисциплин в профессиональной подготовке российского юриста. Раскрывается позитивное значение международного права для формирования и развития способного юриста, существенно выходящее за рамки собственно международно-правовой квалификации выпускника. Отстаивается тезис о том, что изучение международного права формирует полезные навыки, расширяющие в целом односторонние, основанные на национально-правовой модели представления о праве и законе.

Ключевые слова: международно-правовые науки, международно-правовые дисциплины, преподавание международного права, юридическое образование

Для цитирования: Лазутин Л. А., Лихачев М. А. Международное право в современном учебном процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 37–41. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_37.

INTERNATIONAL LAW IN CONTEMPORARY LEGAL EDUCATION

Lazutin Lev

Head of the chair, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
ORCID: 0000-0002-3479-6612, e-mail: mp@usla.ru.

Likhachev Maksim

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
ORCID: 0000-0002-7848-5007, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

International law is worth much more attention than it takes today in Russian legal teaching. Such a position of international law runs counter both its research significance within legal academia and its praxis importance as regards the protection of the State's interests in the competitive international order. The paper commences with the reasons of such an inferior stance of international law in Russian legal education. Then it proceeds with the role of learning international law to elaborate hard and particularly soft skills. The latter is not well fostered within conventional internally oriented legal disciplines.

Key words: international law disciplines, academia of international law, teaching of international law, legal education

For citation: Lazutin L., Likhachev M. (2021) International law in contemporary legal education. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 37–41, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_37.

В конце февраля 2021 г. опубликован приказ Министерства науки и высшего образования, обновивший номенклатуру научных специальностей. Международному праву удалось не только сохранить «прописку» в отдельной специальности (теперь под кодом 5.1.5 «Международно-правовые науки»), но и существенно усилить свой формальный статус среди юридических наук. Раньше «международники» выделялись в числе 15 профилей – теперь они относятся к одной из всего пяти групп. Подобной отраслевой автономностью отличаются еще только уголовно-правовые науки (код 5.1.4). Однако международно-правовым дисциплинам по-прежнему нередко отводится второстепенное, остаточное место в подготовке отечественных юристов.

Международное право незаслуженно выполняет роль скорее теоретико-познавательного предмета, предназначенного для расширения общего кругозора будущего правоведа, нежели практически значимой дисциплины, формирующей навыки современного специалиста. Отчасти это связано с сохранением советской образовательной традиции, где по объективным идеологическим причинам международное право не могло быть курсом первого уровня. Сегодня по объему учебной нагрузки оно по-прежнему значительно уступает теории и истории государства и права, гражданскому, уголовному, конституционному праву, процессуальному циклу. Международное право так и не стало базовой дисциплиной и изучается на уровне профилирующих курсов, например криминалистики, права социального обеспечения, предпринимательского права, финансового, налогового права.

На второстепенную роль международно-правовых дисциплин влияет еще и нехватка преподавателей, профессионально занимающихся международным правом. Диссертационные советы по международному праву можно сосчитать по пальцам одной руки (Москва, Санкт-Петербург и Казань). Соответствующие курсы в вузах (особенно многопрофильных) зачастую читают специалисты по конституционному праву, истории, административному праву. Низкая квалификация лекторов сказывается на качестве преподавания и на восприятии нужности дисциплины для подготовки полноценного юриста.

Тем не менее даже в тех университетах, где организованы отдельные кафедры международного права, ситуация не всегда складывается в пользу международно-правовых дисциплин. Учебные планы нередко формируются исходя из конъюнктурных соображений, личных договоренностей административно-статусных лиц, потребностей обеспечить нагрузкой непрофильные кафедры. Содержательное насыщение программы подготовки в соответствии с требованиями реальной жизни – далеко не всегда решающий фактор при составлении учебного плана.

Международному праву отведена роль «экзотической» вспомогательной дисциплины, изучаемой чаще всего в течение единственного семестра бакалавриата. Ситуацию осложняет внутригосударственный крен отечественной теории права, игнорирующей международно-правовую реальность, порой открыто пренебрегающей ею либо же упоминающей о ней в редком параграфе учебника или бегло в самом конце учебного курса. Убедиться в этом несложно: откройте любое пособие по теории права и обратитесь к определению права в его первых главах. Скорее всего, такое определение игнорирует равнозначную альтернативу внутригосударственному правопорядку – международное право.

На подобный искажающий правовую реальность подход общей теории права обращали внимание давно¹, однако ситуация принципиально не изменилась. Хотя встречаются аккуратные попытки внедрить международно-правовой элемент в общетеоретический курс. В свое время в учебник «Теория государства и права» под редакцией В. Д. Перевалова (М., 2003) была включена глава «Теория права и меж-

¹ См., например, дискуссию о месте международного права в теории права: *Васильев А. М.* О системах советского и международного права // Советское государство и право. 1985. № 1; *Игнатенко Г. В.* Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1.

дународное право», а в последующих его изданиях имеется глава «Международное право как особая система. Ее взаимодействие с российской правовой системой» (см., например, 4-е изд. М., 2020). Без преувеличения, это повлияло на представления студентов и преподавателей о роли международного права в современной теории права.

Российские юристы общего профиля готовятся для работы исключительно во внутривластной системе. Вроде как в этом нет ничего странного, учитывая, что юристы – кадры, рассчитанные в первую очередь на национальный рынок. Однако такая во многом понятная и прагматичная внутренняя ориентация специалистов усугубляется полной беспомощностью рядового юриста в международно-правовой области. Речь идет не о слабой подготовке, а о принципиальной неспособности российского выпускника к применению международного права даже в национальной системе и об отсутствии всякого понимания того, что есть международное право и как оно работает. Национально-правовые дисциплины изучаются в течение полного курса подготовки (бакалавриата или специалитета) во всем их разнообразии. Международное право же нередко изучается в рамках единственной одноименной дисциплины в течение лишь четырех месяцев за весь период обучения. Хотя по объему и отраслевому разнообразию международное право ничуть не уступает внутривластному. А принимая в расчет претензию на универсальность, доктрина международного права и его практика – плод работы юристов со всех уголков планеты, и без представления (даже поверхностного) об их вкладе достойно подготовить специалиста общего профиля невозможно.

Усугубляет ситуацию с преподаванием международного права в российских вузах безраздельное и практически безальтернативное господство позитивистской парадигмы (в ее советской традиции). И хотя общая теория уже отошла от понимания права как «обеспеченного государственным принуждением», право в академической трактовке – по-прежнему продукт волеизъявления государства. Все отраслевые дисциплины послушно следуют жесткой концепции формальных и иерархически выстроенных источников права, сведенного к законодательству. Такое понимание правотворчества и государства малопригодно для международного права. Оно хотя и остается в матрице позитивизма, все же не сторонится альтернативных интерпретаций, а порой откровенно нуждается в них. В условиях засилья идей о правовом и судебном суверенитете и конституционной идентичности, требующих решительной защиты со стороны государства, международному праву отведена роль международной морали, более полезной для развлечения, нежели профессиональной подготовки.

В противовес ущемленному положению международного права выступает его всеохватная и уверенно растущая популярность. У абитуриентов живой, хоть и не всегда обоснованный интерес вызывает все с определением «международное»: вузы этим пользуются, конкурируя между собой за студента и предлагая множество международно ориентированных программ (нередко с сомнительным наполнением). Профильные по национальному праву кафедры читают «Международное уголовное право», «Международное трудовое право», «Международное финансовое право», не отступая, однако, от внутривластных методологических традиций. И хотя бренд «международное» лихо эксплуатируется и множатся «международные» дисциплины, сам базовый курс «Международное право», оставаясь вотчиной международников, не прирос лекционными и семинарскими часами.

Назрела необходимость разграничения своего рода «сфер влияния»: с одной стороны, международно-правовые категории энергично вторгаются в национально-правовые отрасли, вынужденные, не уступая свои позиции, приспособляться к предписаниям международного права; с другой – специалисты-отраслевые без помощи международников по объективным причинам не могут обеспечить качественное включение международно-правовых элементов в свои курсы.

Можно сколько угодно саркастически оценивать эффективность международного права и пренебрегать его изучением, жизнь неотступно диктует свое. Международное право – равноценная сторона всего правового и сохраняет значение определяющего регулятора отношений вне национального правопорядка, в том числе с участи-

ем частных лиц. Растущая взаимозависимость стран и расширение горизонтальных связей между рядовыми гражданами и коммерческими компаниями независимо от границ, а порой и вопреки им предопределяют регулирование некоторых внутригосударственных отношений международным правом.

Более 40 лет прошло с той поры, когда появились отечественные публикации, поколебавшие «привычные» представления о международном праве как регуляторе исключительно межгосударственных отношений. Причем у истоков нового тогда направления оказались не «придворные» ученые-международники, а «провинциальные» исследователи, рискнувшие противопоставить так называемым традиционным представлениям об особом статусе международного права современные, согласованные с правоприменительными реальностями взгляды¹. Потребовалось немало усилий, чтобы убедить научное сообщество и общественность в том, что принципы и нормы международного права являются полноценным компонентом российской правовой системы. Своеобразную победу международников ознаменовало включение в Конституцию России ряда принципиальных международно-правовых положений: о приоритете правил международного договора над отечественным законодательством с включением в российский правовой порядок общепризнанных принципов и норм международного права (ч. 4 ст. 15), о роли последних в качестве стандарта прав человека (ч. 1 ст. 17) и о конституционном праве российских граждан на обращение в межгосударственные органы в целях защиты их интересов (ч. 3 ст. 46). Поправки к Конституции России 2020 г. кардинально не изменили это положение.

В изданные уже в 1980–1990-е гг. учебники по международному праву были включены главы о соотношении международного и внутригосударственного права, о влиянии международных договоров РФ на российское законодательство и о непосредственном применении международных договоров в национальной юрисдикции. Так, в учебнике «Международное право» под редакцией Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунова (М., 1999) впервые появилась специальная глава – «Международное право в деятельности судов, прокуратуры, правоохранительных органов исполнительной власти». В отдельных параграфах представлена практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции, Высшего Арбитражного Суда РФ и других арбитражных судов, обзор деятельности Генеральной прокуратуры РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Государственного таможенного комитета РФ. В учебнике «Международное право» под редакцией В. И. Кузнецова (М., 2001) содержалась глава «Международное право в национальной правовой системе», в которой, тем не менее, рассмотрены лишь судебные аспекты применения международно-правовых норм. В учебнике «Международное право» для бакалавров под редакцией Л. А. Лазутина, В. Я. Суворовой, И. В. Федорова (М., 2018) в лучших традициях уральской школы международного права была представлена новая глава – «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации как составная часть ее правовой системы».

Подробное изучение международного права – безальтернативная составляющая для формирования у юриста так называемых *soft skills* (гибких навыков). Специалист должен уметь применять право как средство защиты правового интереса и продвижения правовых ценностей. Несмотря на разнообразие подходов к сущности международного права, сложно отрицать его консенсуальный характер, природу имманентного компромисса. В этом смысле международное право иллюстрирует гибкость правовой материи, пластичность юридической аргументации и плюрализм правового дискурса, заданный универсальностью международно-правовой системы. Такие качества слабее выражены в национальном праве, ограниченном в своем происхождении и функционировании рамками государственных границ.

Международно-правовая подготовка рядовых юристов соответствует интересам государства. Очевидны упущения России на этом направлении, о которых свидетельствуют поражения в международных юрисдикционных органах, регулярное обращение правительства за помощью к иностранным юристам для представительства

¹ Особая заслуга здесь, несомненно, принадлежит Г. В. Игнатенко. Он стал «первооткрывателем» этого направления.

на международных процессах, качество международно-правового обоснования российских притязаний в межгосударственных отношениях. Россия очевидно неспособна последовательно конкурировать с другими влиятельными государствами в юридической плоскости. Международно-правовая аргументация решений государственных органов в рамках внутреннего правоприменения неудовлетворительна¹. Вероятно, стране хватит ресурсов нанять зарубежных специалистов и даже подготовить несколько талантливых юристов-международников. Однако в отсутствие культуры системного обучения международному праву как базовой дисциплине на юридических факультетах решить кадровую проблему на перспективу невозможно.

В заключение несколько беглых замечаний о содержании курса международно-го права в юридических учебных заведениях. Главная задача заключается не только в преодолении отношения к международному праву как к вспомогательной дисциплине, лишенной непосредственной связи с профилем подготовки юристов, но и во внедрении учебных программ, способных стимулировать понимание значимости вопросов курса, затрагивающих внутригосударственную юрисдикцию, компетенцию и процедуру деятельности органов государства и должностных лиц, прежде всего судов. Имеются в виду, в частности, правовые позиции Конституционного Суда РФ, содержащие толкование международно-правовых категорий и предписаний, постановления Пленума Верховного Суда РФ о применении судами общей юрисдикции норм международного права, в том числе положений Европейской конвенции о защите прав человека. С учетом этих положений и практики других органов государственной власти в интересах обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина необходимо сформулировать принципиально новые подходы к международно-правовым проблемам, которые должны найти отражение в вузовских учебниках, а также специальных пособиях – практикумах по международному праву. Скорейшее выполнение поставленных задач возможно в результате сотрудничества всех, кто причастен к реализации международного права и различных отраслей внутреннего права в пределах правовой системы РФ.

Список литературы

Васильев А. М. О системах советского и международного права // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 65–73.

Игнатенко Г. В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 73–77.

References

Ignatenko G. V. (1985) *Mezhdunarodnoe i sovetskoe pravo: problemy vzaimodeistviya pravovykh system* [International and Soviet law: the problems of legal systems interaction]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 73–77.

Vasiliev A. M. (1985) *O sistemakh sovetskogo i mezhdunarodnogo prava* [About Soviet law and international law systems]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 65–73.

¹ Приведем единственный, но очень показательный пример – ошибочное, но упорное и неоднократное применение в практике Конституционного Суда РФ статьи 46 Венской конвенции о праве договоров 1969 г. в качестве основания для отказа от исполнения международных обязательств в случае, если такое исполнение противоречит национальной конституции. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы; определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“».

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ (на примере России, Казахстана и Беларуси)

Надин Алексей Николаевич

Студент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), ORCID: 0000-0003-3563-5877,
e-mail: alex.nadin00@gmail.com.

В статье проводится сравнительный анализ органов прокуратуры трех ключевых государств Содружества Независимых Государств – России, Казахстана и Беларуси. Исследуются конституционно-правовой статус прокуратур названных государств, особенности законодательного регулирования организации и деятельности прокуратуры, порядок назначения и освобождения от должности прокуроров различных уровней, полномочия прокурора при осуществлении уголовного преследования, участие прокуратуры в правотворческой деятельности. Автор делает вывод о необходимости имплементации опыта близких по социально-экономическим, правовым, историческим и иным условиям государств в целях реализации потенциала, заложенного российской конституционной реформой 2020 г., и последующего развития организационных и функциональных характеристик института прокуратуры.

Ключевые слова: конституция, прокуратура, место прокуратуры в системе органов государственной власти, государства-участники СНГ, правовой статус органов прокуратуры, президент, правотворческая деятельность

Для цитирования: Надин А. Н. Особенности правового статуса органов прокуратуры государств-участников СНГ (на примере России, Казахстана и Беларуси) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 42–51. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_42.

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICES OF THE CIS MEMBER STATES (on the example of Russia, Kazakhstan and Belarus)

Nadin Aleksey

Student, Kutafin Moscow State Law University (Moscow), ORCID: 0000-0003-3563-5877,
e-mail: alex.nadin00@gmail.com.

There is a comparative analysis of the prosecutor's offices of three CIS member states – Russia, Kazakhstan and Belarus. The article studies the constitutional and legal status of the prosecutor's offices, the peculiarities of the legislative regulation of the organisation and activities of the prosecutor's office, the procedure for the appointment and dismissal of prosecutors of various levels, the powers of the prosecutor in criminal prosecution and the participation of the prosecutor's office in law-making. The author concludes that it is necessary to implement the experience of the states that have similar socio-economic, legal, historical and other conditions in order to realize the full potential embedded by the Russian constitutional reform 2020 and to develop the organisational and functional characteristics of the prosecutor's office.

Key words: constitution, prosecutor's office, position of the prosecutor's office in the system of public authorities, CIS member states, legal status of the prosecutor's office, president, law-making

For citation: Nadin A. (2021) Peculiarities of the legal status of the prosecutor's offices of the CIS member states (on the example of Russia, Kazakhstan and Belarus). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 42–51, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_42.

Россия, Казахстан и Беларусь – государства, составляющие ядро интеграции на постсоветском пространстве. Их объединяет общность исторического развития, географического положения, правовой системы, экономические, социальные и культурные условия, традиции народов. Совокупность данных факторов, а также схожая форма правления опосредуют создание близких по функциям государственно-правовых институтов, например института главы государства, института прокуратуры и т. д. Отсюда возникает возможность заимствования положительного опыта, а также минимизации негативных тенденций у уже сложившихся структур зарубежных государств постсоветского пространства.

Особая связь органов прокуратуры государств-участников СНГ обусловлена также тесными контактами в рамках созданного Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ, заседания которого проводятся не реже одного раза в год¹. Координационный совет является межгосударственным органом Содружества по организации сотрудничества и взаимодействия генеральных прокуратор государств-участников СНГ в сферах обеспечения законности, прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью².

На примере таких государств, как Россия, Беларусь и Казахстан, можно проследить общие тенденции развития многих государственных органов и системы государственного управления перечисленных стран в целом. Особое внимание необходимо уделить прокуратуре.

Статус прокуратуры в указанных государствах регламентируется на высшем конституционном уровне. В науке о прокурорской деятельности и в юридической науке в целом традиционным является вопрос о месте данного государственно-правового института в системе разделения властей, его принадлежности к какой-либо ветви государственной власти. Так, некоторые ученые считают, что прокуратура принадлежит к исполнительной ветви власти³. Другие относят ее к законодательной ветви власти. Предложение об отнесении прокуратуры к судебной власти в российской юридической науке встретило серьезную критику⁴, и Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» данный вопрос был окончательно разрешен.

Особую популярность в настоящий период приобретает позиция, согласно которой прокуратура принадлежит к органам так называемой президентской власти⁵. Ее авторы апеллируют к тенденциям развития демократических государств, где усиливаются властные полномочия главы государства. Также высказываются мнения о том, что органы прокуратуры, обладая исключительными полномочиями и независимым статусом, относятся к особой подсистеме государственной власти⁶ и образуют особую «прокурорскую власть»⁷. И все-таки приоритет остается за теми учеными, которые придерживаются следующей точки зрения: «Прокуратура – самостоятельный, неза-

¹ 30-е заседание Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ // Координационный совет генеральных прокуроров государств-участников содружества независимых государств: офиц. портал. URL: <http://www.ksgp-cis.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).

² Положение о Координационном совете генеральных прокуроров государств – участников СНГ (с изм. от 10 декабря 2010 г.). URL: <http://files.ksgp-cis.ru/upload/pages/documents/Reestr-57.doc> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. С. 696.

⁴ Кутафин О. Е. Избранные труды / сост. В. В. Комарова. М.: Проспект, 2016. С. 69, 81.

⁵ Королев Г. Н. Сохранится ли прокуратура России как единая система? // Законность. 2014. № 10. С. 18.

⁶ Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М.: Проспект, 2020. Вып. 2. С. 22.

⁷ Ахметова А. Б. Конституционно-правовые основы организации и деятельности прокуратуры в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10, 18.

висимый государственный орган, который не входит в традиционную триаду властей, одновременно, в той или иной степени взаимодействуя с каждой из ветвей государственной власти, занимает среди них обособленное положение»¹.

В Конституции РФ правовые нормы об органах прокуратуры содержатся в гл. 7 «Судебная власть и прокуратура» (до недавнего времени она именовалась «Судебная власть»).

В Конституции Республики Казахстан (далее – РК) нормы, регулирующие статус прокуратуры (ст. 83), находятся в разд. 7, который именуется «Суды и правосудие»². Такое нормативное решение негативно оценивается некоторыми учеными-юристами Казахстана и не позволяет точно определить место прокуратуры в системе государственного управления³.

По нашему мнению, наиболее последовательно вопрос о месте прокуратуры в системе органов государственной власти решен в Конституции Республики Беларусь (далее – РБ), где данному органу государства отведена отдельная гл. 7, что исключает разногласия по поводу принадлежности прокуратуры к той или иной ветви государственной власти⁴.

Согласно ст. 129 Конституции РФ прокуратура РФ представляет собой единую централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Стоит отметить, что ранее на конституционном уровне столь обширной дефиниции понятия «прокуратура РФ» предусмотрено не было. В редакции Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. указывалось лишь на то, что прокуратура составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. В результате конституционной реформы, проводимой в современной России⁵, мы наблюдаем эволюцию конституционно-правовой регламентации статуса прокуратуры.

В Конституции РК (ред. 2017 г.) закреплено, что «Прокуратура Республики составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному Прокурору Республики» (п. 2 ст. 83). Также в Конституции Казахстана перечислены основные функции прокуратуры: высший надзор за соблюдением законности на территории РК, представительство интересов государства в суде и осуществление уголовного преследования. Формулировка «высший надзор», на наш взгляд, отражает преемственность данного института по отношению к советскому периоду его развития (ст. 164 Конституции СССР 1977 г.⁶).

В ст. 83 Конституции РК (ред. 2011 г.) указывался большой спектр полномочий органов прокуратуры: надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства, принятие мер по выявлению и устранению любых нарушений законности, принесение протеста на законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики, представительство интересов государства в суде, уголовное преследование. Поправки были внесены на основании постановления Конституционного Совета РК. По мнению Совета, они направлены на уточнение правовой регламентации статуса прокуратуры⁷.

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учеб. 5-е изд. М.: Проспект, 2018. С. 313–314.

² Конституция Республики Казахстан 1995 г. (с изм. и доп. по сост. на 23 марта 2019 г.). URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_/info (дата обращения: 15.01.2021).

³ Ахметова А. Б. Указ. соч. С. 13.

⁴ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 15.01.2021).

⁵ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) (ред. от 14 марта 1990 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁷ Нормативное постановление Конституционного Совета РК от 9 марта 2017 г. № 1 «О проверке Закона Республики Казахстан „О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан“ на соответствие Конституции Республики Казахстан». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/S1700000001> (дата обращения: 16.01.2021).

Вместе с тем более полно полномочия прокуратуры РК закреплены в отраслевом законе. Например, прокуратура РК, в отличие от российских и белорусских аналогов данных структур, осуществляет надзор за соответствием актов и решений Правительства РК Конституции законам и актам Президента РК (ст. 10 Закона РК от 30 июня 2017 г. № 81-VI (с изм. по сост. на 7 июля 2020 г.) «О прокуратуре»¹, далее – Закон о прокуратуре РК), что, безусловно, оказывает влияние на статус прокуратуры в системе органов государственной власти.

В гл. 7 Конституции РБ статус органов прокуратуры раскрывается главным образом через указание на выполняемые ими функции. В их числе – надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов, надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебным решениям по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях в случаях, предусмотренных законом, осуществление предварительного следствия, поддержание государственного обвинения в судах (ст. 125 Конституции РБ).

Таким образом, не во всех конституциях рассматриваемых государств приводится определение прокуратуры, хотя в каждом нормативном правовом акте высшей юридической силы раскрывается функциональная характеристика данного института, особенно выделяется его ключевая функция – надзор за соблюдением конституции и исполнением законов, действующих в конкретном государстве.

Положения конституций названных государств конкретизируются в специализированных законах о прокуратуре. Так, в России это Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 31 июля 2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре РФ), в Казахстане – Закон о прокуратуре РК, в Беларуси – Закон от 8 мая 2007 г. № 220-3 (ред. от 18 июля 2016 г.) «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре РБ)². Общими особенностями трех законов являются: определение задач и направлений деятельности органов прокуратуры; выделение основных принципов организации и деятельности прокуратуры; определение основных правовых актов, которые правомочен принимать прокурор, реагируя на нарушения закона; установление системы прокуратуры, порядка назначения и освобождения от должности прокурорских работников; регламентация вопросов службы в органах прокуратуры, а также гарантий деятельности прокуроров.

В отличие от законов о прокуратуре России и Казахстана, в Законе о прокуратуре РБ закрепляется понятийный аппарат, а в качестве одного из ключевых направлений деятельности выделяется рассмотрение обращений граждан и организаций (ст. 3, 14 Закона о прокуратуре РБ). Закон о прокуратуре РК отличается тем, что устанавливает предмет, формы и пределы надзора в отдельной ст. 6, определяет систему правовых актов прокуратуры (гл. 5), предусматривает возможность опубликования актов прокурорского надзора в средствах массовой информации (ст. 33).

Обратимся к порядку назначения и освобождения от должности прокурорских работников в названных государствах.

Как указывалось ранее, российская конституционная реформа 2020 г. оказала значительное влияние на институт прокуратуры. В частности, был пересмотрен порядок назначения на должность Генерального прокурора РФ, заместителей Генерального прокурора, прокуроров субъектов РФ и иных приравненных к ним прокуроров. Согласно ч. 3 ст. 129 Конституции РФ Генеральный прокурор РФ, его заместители назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом РФ. Полномочия по назначению и освобождению от должности Генерального прокурора РФ и его заместителей в соответствии с прошлой редакцией российской Конституции принадлежали верхней палате Федерального Собрания РФ. Прокуроры субъектов РФ, прокуроры военных и других специализированных прокуратур, приравненные к прокурорам субъектов РФ, назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом РФ (ч. 4 ст. 129 Конституции РФ).

¹ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081> (дата обращения: 16.07.2021).

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220> (дата обращения: 08.12.2020).

Ранее прокуроры субъектов и приравненные к ним прокуроры назначались главой государства, но по представлению Генерального прокурора РФ и с учетом мнения соответствующих субъектов РФ. Генеральный прокурор РФ, согласно редакции Конституции РФ 1993 г., самостоятельно назначал на должность прокуроров уровня субъекта федерации. Действующая редакция российской Конституции оставляет за руководителем системы прокуратуры лишь полномочия по назначению и освобождению от должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров и только в том случае, если данные полномочия предусмотрены федеральным законом (очевидна отсылка к ч. 5 ст. 129 Конституции РФ, где закреплена возможность назначения перечисленных прокуроров главой государства в силу прямого указания закона).

До последних конституционных изменений верхняя палата Федерального Собрания РФ имела ключевые полномочия по назначению и освобождению от должности Генерального прокурора РФ. В настоящее время полномочия верхней палаты российского парламента ограничиваются лишь осуществлением консультаций по кандидатуре Генерального прокурора РФ; единоличное же решение о назначении и освобождении от должности руководителя системы органов прокуратуры принимает Президент РФ. К тому же, на наш взгляд, позиция «палаты регионов» по конкретной кандидатуре на должность руководителя системы органов прокуратуры не будет оказывать определяющего влияния на решение главы государства¹. Тем самым ослабевает влияние законодательной власти на систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов.

Конституция Казахстана закрепляет полномочия по назначению на должность и освобождению от должности Генерального прокурора РК за Президентом Республики (ст. 44). Согласие на такое назначение дает Сенат Парламента РК (ст. 55 Конституции РК), т. е. верхняя палата парламента в данном случае наделена полномочиями по отклонению предложенной главой государства кандидатуры. Это подтверждается и Регламентом Сената Парламента РК, где указано, что «в случае отклонения кандидатур, представленных Президентом для дачи согласия на назначение на должность, решение Сената должно содержать развернутую мотивировку отклонения» (п. 73)². Однако в Регламенте данной палаты (§ 2 гл. 7) нет правовых норм, запрещающих Президенту РК предложить отклоненную кандидатуру на рассмотрение Сената вновь. Но представляется, что данная ситуация вряд ли возможна, учитывая особую роль президентской власти в Республике Казахстан.

Генеральный прокурор РК назначает на должность и освобождает от должности прокуроров областей и приравненных к ним прокуроров с согласия Президента РК (п. 11 ст. 37 Закона о прокуратуре РК). В следующем пункте данной статьи указывается, что Генеральный прокурор РК также назначает и освобождает от должности заместителей прокуроров областей и приравненных к ним прокуроров, а также прокуроров районов и приравненных к ним прокуроров. Последнее полностью соответствует опыту России.

Статус прокуратуры Казахстана характеризуется явной подконтрольностью Президенту РК³. На это указывают ряд норм Закона о прокуратуре РК. В частности, в ст. 3 закреплён принцип подотчетности прокуратуры лишь Президенту; согласно ст. 6 в исключительных случаях надзор за законностью прокуратура осуществляет по поручению Президента; в ст. 24 установлена невозможность принесения протеста на правовой акт Президента РК, противоречащий Конституции РК; в п. 15 ст. 37 сказано, что Генеральный прокурор отчитывается перед Президентом Республики о состоянии законности в стране и о деятельности органов прокуратуры. К тому же глава государства принимает активное участие в правовой регламентации организации и

¹ *Надин А. Н.* К вопросу о принадлежности прокуратуры России к президентской власти // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2020. № 18. С. 110.

² Постановление Сената Парламента Республики Казахстан от 8 февраля 1996 г. «Регламент Сената Парламента Республики Казахстан» (с изм. и доп. по сост. на 26 декабря 2019 г.). URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/B960000002_ (дата обращения: 14.12.2020).

³ *Ахметова А. Б.* Развитие прокуратуры в системе государственности Казахстана // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 2. С. 60.

деятельности органов прокуратуры. Об этом свидетельствуют, например, Указ Президента РК от 13 октября 2017 г. № 563 «О некоторых вопросах органов прокуратуры Республики Казахстан»¹, который конкретизирует правовой статус Генеральной прокуратуры РК; Конституционный закон РК от 26 декабря 1995 г. № 2733 «О Президенте Республики Казахстан»², определяющий полномочия Президента Республики в отношении органов прокуратуры (ст. 13). Отметим, что до 2002 г. специализированным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность прокуратуры Казахстана, являлся Указ Президента РК, имеющий силу закона, от 21 декабря 1995 г. № 2709.

В Беларуси Генеральный прокурор назначается на должность Президентом РБ с согласия Сената Республики (п. 9 ст. 84 Конституции РБ) и освобождается от должности по решению Президента Республики, уведомляющего об этом верхнюю палату парламента (п. 11 ст. 84).

Исходя из буквального толкования норм Конституции Беларуси, Генеральный прокурор РБ самостоятельно формирует весь прокурорский корпус (ст. 126), т. е. назначает и освобождает от должности руководителей прокуратур областей, Минска, городов, районов, межрайонных и приравненных к ним прокуратур и т. д. (перечень должностных лиц, в отношении которых Генеральный прокурор РБ наделен полномочиями по назначению и освобождению от должности, приведен в ст. 23 Закона о прокуратуре РБ). Отсюда следует, что Генеральный прокурор РБ наделен большими кадровыми полномочиями по сравнению с Генеральным прокурором РФ, который уполномочен назначать лишь прокуроров низового звена системы прокуратуры РФ.

В ст. 23 Закона о прокуратуре РБ указывается, что в процедуре назначения на должность ряда прокуроров участвует и Президент Республики. Интересно, что в Конституции РБ ничего не говорится о процедуре назначения на должность заместителей Генерального прокурора. В России, в свою очередь, заместители Генпрокурора РФ назначаются и освобождаются от должности в том же порядке, что и руководитель системы российской прокуратуры (п. «е.1» ст. 83, п. «з» ч. 1 ст. 102, ч. 3 ст. 129 Конституции РФ).

На основе анализа ряда норм Закона о прокуратуре РБ можно говорить о зависимости органов прокуратуры от главы государства, которая выражается в порядке назначения и освобождения от должности прокурорских работников (ст. 18, 23), установлении системы и структуры органов прокуратуры (ст. 16) и т. д. Отметим, что влияние Президента РБ на прокуратуру нельзя назвать столь же существенным, как в Казахстане, где глава Республики фактически определяет деятельность данного государственного органа.

Одной из важнейших функций прокуратуры в рассматриваемых государствах является уголовное преследование. Иногда она находит закрепление и в конституции государств (ч. 1 ст. 129 Конституции РФ, п. 1 ст. 83 Конституции РК).

Особое внимание хотелось бы обратить на полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела. В России после изменений, внесенных в УПК РФ в 2007 г.³, существенно сокращены полномочия прокурора по надзору за предварительным следствием, он лишен возможности возбуждать уголовное дело в случае явных признаков совершенного преступления (ст. 37 УПК РФ), что, по мнению некоторых ученых, противоречит законодательной практике многих государств мира, документам Совета Европы, а также модельному Уголовно-процессуальному кодексу для государств-участников СНГ⁴ (ст. 84)⁵.

Согласно положениям Закона о прокуратуре РФ (гл. 3) и нормам УПК РФ прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. Однако предоставленные прокурорам полномочия в данной области нельзя назвать достаточно эффективными для выявления и устранения нарушений прав и свобод граждан. Некоторые исследователи отмечают, что

¹ URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000563> (дата обращения: 15.12.2020).

² URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002733_ (дата обращения: 28.11.2020).

³ Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“».

⁴ URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/27.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

⁵ Полномочия органов прокуратуры государств-участников СНГ: моногр. / под общ. ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 47.

многие уголовные дела возбуждались прокурорами по результатам проводимых ими общенадзорных проверок¹.

Полномочиями по возбуждению уголовного дела на стадии предварительного расследования обладают прокуроры практически всех государств-участников СНГ. Исключением является Россия².

Ю. К. Якимович, утверждая о революционности изменений в досудебном производстве 2007 г. в России, точно замечает, что «жизненно необходим единый координатор и руководитель всего расследования в целом, независимо от ведомственной подчиненности органов дознания и следствия»³. Отсутствие единого руководителя приводит к разрозненному функционированию органов предварительного расследования и разрушению единства следственной практики.

Нельзя не затронуть вопрос об участии органов прокуратуры исследуемых государств в правотворческой деятельности. Соответствующие полномочия прокуратуры закреплены в п. 4 ст. 1, ст. 9 Закона о прокуратуре РФ, подп. 16 п. 16 Указа Президента РК «О некоторых вопросах органов прокуратуры Республики Казахстан», ст. 13 Закона о прокуратуре РБ. Данное направление деятельности заключается в том, что прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования нормативных правовых актов вправе вносить в уполномоченные законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, различных уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов.

Тем не менее ни в одной из конституций указанных государств в числе субъектов права законодательной инициативы не упомянут Генеральный прокурор. На наш взгляд, это существенное упущение правовой регламентации института прокуратуры. В России в большинстве субъектов федерации прокурорам предоставлено право законодательной инициативы конституциями (уставами) субъектов РФ⁴. То есть прокурор субъекта РФ вправе вносить законопроекты в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта федерации, и рассматриваться они будут в особом порядке, в отличие от обращений прокуроров в порядке ст. 9 Закона о прокуратуре РФ с предложением об изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных правовых актов⁵.

Таким образом, органы прокуратуры рассматриваемых государств-членов СНГ прошли общий путь развития, но одновременно они имеют особенности функционирования. Сформулируем основные выводы.

1. Чрезвычайно важно, на наш взгляд, окончательно определить место органов прокуратуры в системе органов государственной власти. Для этого следует выделить нормы о прокуратуре в отдельную главу конституции, как это сделано в Конституции Беларуси⁶.

В российской Конституции, в свою очередь, необходимо выделить отдельную главу, касающуюся прокуратуры, что способствовало бы обеспечению необходимого баланса в системе разделения властей, повышению авторитета органов прокуратуры среди населения страны, а также устранению ряда ошибок, допущенных при осуществлении соответствующего правового регулирования на уровне законов. Полагаем необходимым принятие в развитие конституционных положений федерального конституционного закона «О прокуратуре РФ»⁷.

¹ Бывальцева С. Г. Современная концепция развития российской прокуратуры // Бизнес, менеджмент и право. 2013. № 2. С. 85.

² Полномочия органов прокуратуры государств-участников СНГ. С. 195.

³ Якимович Ю. К. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // Законность. 2015. № 8. С. 6.

⁴ Смирнов А. Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 219–220.

⁵ Бессарабов В. Г., Паштов Д. Р. Участие прокуратуры в законотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 58.

⁶ Решетникова Т. А. Правовой статус, функции и полномочия прокуратуры в странах СНГ: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11.

⁷ Шобухин В. Ю. Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 28.

2. Содержание конституционных норм о прокуратуре также нуждается в реформировании. Опыт России после конституционной реформы является во многих аспектах эталонным и может быть заимствован другими государствами, в том числе государствами-участниками СНГ.

Часть 2 ст. 129 Конституции РФ является уникальной для конституционного регулирования в государствах постсоветского пространства. В данной норме приводятся требования, предъявляемые к кандидатам на должности прокуроров по аналогии с общими требованиями к кандидатам на должности судей (ст. 119 Конституции РФ). Кроме того, в ч. 1 ст. 129 Конституции РФ дается определение прокуратуры РФ, в котором раскрываются ее основные функции. Предполагаем, что включение данных положений в законодательство постсоветских государств окажет положительное влияние на правовой статус органов прокуратуры указанных государств.

3. Предлагается вернуть руководителю системы прокуратуры РФ утраченные в результате реформирования российского законодательства о прокуратуре кадровые полномочия по назначению корпуса прокурорских работников. Генерального прокурора РФ необходимо наделить полномочиями по назначению и освобождению от должности заместителей Генерального прокурора РФ после консультаций с Советом Федерации, прокуроров субъектов РФ, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов РФ, после согласования с органами государственной власти субъектов РФ. Прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры назначаются и освобождаются Генеральным прокурором без согласования с какими-либо органами власти или должностными лицами. Соответствующие изменения необходимо внести в ст. 129 Конституции РФ и в Закон о прокуратуре РФ.

На наш взгляд, это позволит более последовательно реализовать принцип централизации прокуратуры¹ при назначении и освобождении от должности прокурорских работников, а также исключить возможное влияние на прокуратуру со стороны иных структур в целях обеспечения независимости органов прокуратуры. Опыт Казахстана и Беларуси свидетельствует о том, что руководитель системы прокуратуры назначает практически весь высший прокурорский состав самостоятельно; исключением являются прокуроры областей, чьи назначение и освобождение от должности требуют согласования с главой государства.

4. В уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана и Беларуси прокурору отводится главная роль в обеспечении надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания, следствия и уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса (ст. 58 УПК РК², ст. 34 УПК РБ³). Что касается России, то результатом отсутствия необходимых полномочий прокурора по надзору за предварительным следствием становятся волокита, недостаточно эффективная деятельность прокуратуры по выявлению и устранению нарушений прав и свобод граждан, а также затрудненный доступ к правосудию.

Предлагается вернуть прокуратуре утраченные полномочия по возбуждению уголовных дел и закрепить их в ст. 37 УПК РФ, а также в ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 25, ч. 2 ст. 27 и ч. 1 ст. 33 Закона о прокуратуре РФ в целях установления единого координатора правоохранительной деятельности и устранения недостатков в деятельности органов предварительного расследования. При этом нельзя исключать возможности воссоединения Следственного комитета РФ и российской прокуратуры в связи с недавними кадровыми перестановками, касающимися руководства системой прокуратуры.

5. Представляется необходимым предоставить генеральным прокурорам России, Казахстана и Беларуси право законодательной инициативы с внесением соответствующих изменений в конституции (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ, ч. 1 ст. 61 Конституции РК, ст. 99 Конституции РБ). В российской Конституции следует закрепить, что Генеральный прокурор РФ обладает правом законодательной инициативы по вопросам свое-

¹ Прокурорский надзор: учеб. / под ред. А. Я. Сухарева. М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. С. 74.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 2 января 2021 г.). URL: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. от 17 июля 2020 г.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900295> (дата обращения: 16.01.2021).

го ведения по аналогии с полномочиями в данной сфере Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Требование о наделении прокуратуры этими полномочиями, на наш взгляд, обусловлено тем, что одним из ключевых направлений деятельности органов прокуратуры становится надзор за соблюдением прав и свобод граждан¹. Прокуратура выявляет нарушения закона, оперативно принимает меры в целях их устранения и восстановления нарушенных прав и свобод, а также обеспечивает устранение причин, способствующих совершению данных правонарушений. В науке отмечается, что закрепление за Генеральной прокуратурой РФ или Генеральным прокурором РФ права законодательной инициативы необходимо не столько для повышения ее статуса в системе государственного управления, сколько для «совершенствования одной из функций прокуратуры – правотворческой деятельности»².

К тому же в систему прокуратуры входят научные и образовательные организации (в частности, Университет прокуратуры РФ), где сосредоточены кадры высшей квалификации в области прокурорской деятельности. Также представляется, что особую роль в реализации данных полномочий будет играть Правовое управление Генеральной прокуратуры РФ.

Приведенные рекомендации по совершенствованию российского и зарубежного законодательства о прокуратуре являются следствием усложнения правоотношений и необходимости грамотного ответа законодателя на изменения в структуре общественных связей.

Список литературы

Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М.: Проспект, 2020. Вып. 2. 264 с.

Ахметова А. Б. Конституционно-правовые основы организации и деятельности прокуратуры в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 24 с.

Ахметова А. Б. Развитие прокуратуры в системе государственности Казахстана // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 2. С. 56–63.

Бессарабов В. Г., Паштов Д. Р. Участие прокуратуры в законотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. 232 с.

Бывальцева С. Г. Современная концепция развития российской прокуратуры // Бизнес, менеджмент и право. 2013. № 2. С. 84–86.

Джиоев С. Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 40–46.

Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учеб. 5-е изд. М.: Проспект, 2018. 592 с.

Королев Г. Н. Сохранится ли прокуратура России как единая система? // Законность. 2014. № 10. С. 16–19.

Кутафин О. Е. Избранные труды / сост. В. В. Комарова. М.: Проспект, 2016. 368 с.

Надин А. Н. К вопросу о принадлежности прокуратуры России к президентской власти // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2020. № 18. С. 106–112.

Полномочия органов прокуратуры государств-участников СНГ: моногр. / под общ. ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2013. 344 с.

Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. 816 с.

Прокурорский надзор: учеб. / под ред. А. Я. Сухарева. М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. 480 с.

Решетникова Т. А. Правовой статус, функции и полномочия прокуратуры в странах СНГ: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 29 с.

Смирнов А. Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 215–221.

Шевченко В. Ю. Прокуратура в системе разделения властей и государственном механизме защиты конституционных прав граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.

¹ Шевченко В. Ю. Прокуратура в системе разделения властей и государственном механизме защиты конституционных прав граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 10–11.

² Джиоев С. Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 42.

Шобухин В. Ю. Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 26–29.

Якимович Ю. К. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // Законность. 2015. № 8. С. 3–7.

References

Akhmetova A. B. (2014) *Razvitie prokuratury v sisteme gosudarstvennosti Kazakhstana* [The development of the prosecutor's office in the system of statehood of Kazakhstan]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 56–63.

Akhmetova A. B. (2015) *Konstitutsionno-pravovye osnovy organizatsii i deyatel'nosti prokuratury v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Kazakhstan: sravnitel'no-pravovoi analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional and legal foundations of the organisation and activities of the prosecutor's office in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: a comparative legal analysis: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 24 p.

Bessarabov V. G., Pashtov D. R. (2016) *Uchastie prokuratury v zakonotvorcheskoi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii* [Participation of the prosecutor's office in the legislative activity of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation]. Moscow, Yurlitinform, 232 p.

Byval'tseva S. G. (2013) *Sovremennaya kontseptsiya razvitiya rossiiskoi prokuratury* [The modern concept of the development of the Russian prosecutor's office]. In *Biznes, menedzhment i pravo*, no. 2, pp. 84–86.

Kapinus O. S. (Ed.) (2020) *Aktual'nye problemy prokurorskoj deyatel'nosti* [Topical problems of prosecutorial activities]. Moscow, Prospekt, Iss. 2, 264 p.

Dzhioev S. Kh. (2019) *Nekotorye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'noi reglamentatsii pravotvorcheskoi deyatel'nosti prokurorov* [Some directions of improving the legislative regulation of the law-making activity of prosecutors]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, no. 8, pp. 40–46.

Korolev G. N. (2014) *Sokhranitsya li prokuratura Rossii kak edinaya sistema?* [Will the Russian prosecutor's office remain as a unified system?]. In *Zakonnost'y*, no. 10, pp. 16–19.

Kozlova E. I., Kutafin O. E. (2018) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia], 5th ed. Moscow, Prospekt, 592 p.

Kutafin O. E. (2016) *Izbrannye trudy* [Selected works], ed. by V. V. Komarova. Moscow, Prospekt, 368 p.

Nadin A. N. (2020) *K voprosu o prinadlezhnosti prokuratury Rossii k prezidentskoi vlasti* [On the question of the belonging of the Russian prosecutor's office to the presidential power]. In *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*, no. 18, pp. 106–112.

Nersesyants V. S. (Ed.) (2018) *Problemy obshchei teorii prava i gosudarstva* [Problems of the general theory of law and state]. Moscow, Norma : INFRA-M, 816 p.

Reshetnikova T. A. (2005) *Pravovoi status, funktsii i polnomochiya prokuratury v stranakh SNG: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal status, functions and powers of the prosecutor's office in the CIS countries: a comparative legal research: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 29 p.

Shcherba S. P. (Ed.) (2013) *Polnomochiya organov prokuratury gosudarstv-uchastnikov SNG* [The powers of the prosecution authorities of the CIS member states], Moscow, Yurlitinform, 344 p.

Shevchenko V. Yu. (2009) *Prokuratura v sisteme razdeleniya vlastei i gosudarstvennom mekhanizme zashchity konstitutsionnykh prav grazhdan: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The prosecutor's office in the system of separation of powers and the state mechanism for the protection of the constitutional rights of citizens: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 30 p.

Shobukhin V. Yu. (2020) *Konstitutsionnoe regulirovanie statusa prokuratury Rossiiskoi Federatsii: problemy, tendentsii i perspektivy izmeneniya st. 129 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional regulation of the status of the prosecutor's office of the Russian Federation: problems, trends and prospects for changing Art. 129 of the Constitution of the Russian Federation]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 4, pp. 26–29.

Smirnov A. F. (2017) *K voprosu o pravovom regulirovanii statusa prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [On the issue of legal regulation of the status of the prosecutor's office of the Russian Federation]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 1, pp. 215–221.

Sukharev A. Ya. (Ed.) (2020) *Prokurorskii nadzor* [Prosecutor's supervision]. Moscow, Norma : INFRA-M, 480 p.

Yakimovich Yu. K. (2015) *Naznachenie prokuratury i protsessual'nye funktsii prokurora* [Appointment of the prosecutor's office and the procedural functions of the prosecutor]. In *Zakonnost'*, no. 8, pp. 3–7.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В РСФСР В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Пронин Тимофей Тимурович

Студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), ORCID: 0000-0003-0664-220X, e-mail: tpro.n@yandex.ru.

Рассматривается история становления советских органов принудительного исполнения в РСФСР в первое десятилетие советской власти. Анализируются советские федеральные и региональные нормативные правовые акты, регулировавшие вопросы исполнения судебных решений, периодические издания того периода, архивные сведения. Проводится сравнение соответствующих законов с аналогичными актами, действовавшими в Российской империи. Это позволяет обозначить тенденции в развитии института принудительного исполнения в рассматриваемый период. Автор характеризует основные проблемы в этой сфере (низкая оплата труда, непрестижность службы судебных исполнителей и, как следствие, «текучесть» кадров, невысокая эффективность работы) и указывает на сохранение их актуальности до настоящего времени.

Ключевые слова: судебные исполнители, судебные решения, исполнение, суд

Для цитирования: Пронин Т. Т. Развитие института судебных исполнителей в РСФСР в первое десятилетие советской власти // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 52–61. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_52.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF COMPULSORY ENFORCEMENT OFFICERS IN THE RSFSR IN THE FIRST DECADE OF SOVIET POWER

Pronin Timofey

Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), ORCID: 0000-0003-0664-220X, e-mail: tpro.n@yandex.ru.

The article describes the history of the formation of Soviet enforcement agencies in the RSFSR in the first decade of Soviet power. The author analyses Soviet federal and regional legal acts regulating the enforcement of court decisions, as well as periodicals of that period, and archival information. The corresponding laws are compared with similar acts, which were in force in the Russian Empire. All of this allows the author to identify certain trends in the development of the institution of compulsory enforcement in that period. The author characterises the main problems in this area (low wages, low status of the service and, as a result, staff turnover, low efficiency of the work) and underlines their continued relevance.

Key words: compulsory enforcement officers, court decisions, enforcement, court

For citation: Pronin T. (2021) Development of the institution of compulsory enforcement officers in the RSFSR in the first decade of Soviet power. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 52–61, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_52.

Если обратиться к судебной системе России в Новое и Новейшее время, то можно с уверенностью сказать, что ее традиционным «слабым» местом остается исполнение судебных решений. Начиная с Судебной реформы 1864 г., критические выступления в адрес судебных приставов (исполнителей) не сходят со страниц юридических пе-

риодических изданий, а пути совершенствования процедуры исполнительного производства продолжают обсуждаться в научной литературе.

Особый интерес представляет формирование данного института в первое десятилетие советской власти. Особенностью этого исторического периода была фактическая децентрализация службы судебных исполнителей, которая давала простор для поиска ее оптимальных форм. Происходило бурное изменение форм института судебных исполнителей в разных регионах, зато отобранные на основе изучения местного опыта принципы организации и исполнения судебных решений продолжали действовать вплоть до середины 90-х гг. XX в.¹

После событий 1917 г. в нашей стране сложилась непростая ситуация. Пришедшие к власти большевики ставили своей целью создание нового государства с новыми институтами, формирование которых должно было строиться на классовых принципах. Это все происходило в условиях продолжения Первой мировой войны и начавшейся Гражданской войны. Особенности законодательства того времени были напрямую связаны с условиями военного времени и политикой военного коммунизма, проводимой на подконтрольных советской власти территориях.

Изменения затронули все сферы жизни государства, включая судебную систему. Декрет о суде № 1, принятый 24 ноября 1917 г., отменил судебные установления, действовавшие с 1864 г. Была введена новая терминология, отрицались традиционные принципы организации судебной системы (упразднены институты судебного следствия, прокурорского надзора и адвокатуры). Однако декрет никак не затронул исполнительное производство: не были установлены ни система судебно-исполнительных органов, ни какие бы то ни было процедуры. В декрете не говорилось о судьбе Устава гражданского судопроизводства, хотя ст. 5 признала отмененными «все законы, противоречащие декретам Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабочего и Крестьянского правительства, а также программам-минимум Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров». При этом новые нормативные правовые акты, регулирующие порядок исполнения судебных решений, так и не были приняты. В итоге на практике использовали Устав гражданского судопроизводства, правда, без официальных ссылок на его текст. Таким образом, после принятия Декрета о суде № 1 в сфере исполнения судебных решений воцарилась неопределенность: не была четко установлена даже ответственная за это служба.

В какой-то мере эта неопределенность была преодолена Декретом о суде № 2, принятым 15 февраля 1918 г. и установившим, что «судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами...» (ст. 8). То есть исполнение судебных решений по гражданским делам официально предлагалось осуществлять в соответствии с порядком, установленным Уставом гражданского судопроизводства. Декрет относил исполнение судебных решений к компетенции Красной гвардии, которая в это время заменила милицию. Такое положение должно было сохраняться до издания особого декрета (ст. 35). Учитывая, что в этой статье речь шла о передаче обязанностей по исполнению судебных решений, то можно сделать вывод, что до этого соответствующие обязанности исполняла именно милиция. Передачу полномочий Красной гвардии, т. е. военизированным отрядам, можно объяснить неспокойной ситуацией в стране.

Последующие нормативные правовые акты, принятые до 1920 г. и касающиеся судебной системы и судопроизводства, не предусматривали изменений действующего порядка; об исполнении судебных решений в законе встречаются лишь отдельные упоминания². К указанным актам можно отнести Декрет о суде № 3 и постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов», причем последнее формально было просто инструкцией. Согласно Положению о народном суде РСФСР судебные исполнители должны были работать при судах и исполнять не только их решения и судебные приказы по

¹ Луценко О. Б. К истории вопроса становления института судебного пристава-исполнителя // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 234.

² Брагинский М. М. Исполнение судебных решений // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 2. С. 5.

гражданским делам, но и исполнительные надписи нотариусов, решения земельных комиссий и т. п. Положение исходило из того, что специальная служба может быть создана не везде и тогда ее функции должны исполнять волостные исполкомы и органы милиции. В Декрете ВЦИК от 27 октября 1920 г., который вводил очередное Положение о народном суде РСФСР, органы милиции тоже трактовались как альтернатива судебным исполнителям (ст. 82).

Лаконичность общего законодательства о службе судебных исполнителей создавала на местах многочисленные проблемы. Поэтому получила распространение практика принятия собственных нормативных правовых актов территориальными органами юстиции и судами в зависимости от особенностей региона. Вследствие этого в регионах страны за исполнением судебных решений стали отвечать самые разные органы, которые не только назывались по-разному, но и отличались в структурно-организационном отношении. Так, в Курской губернии были введены должности «исполнителей решений» и «распорядителей». Если первые занимались исполнением решений суда и назначались по одному на уезд, то вторые поддерживали порядок во время судебных заседаний¹.

В Петрограде была принята собственная инструкция, регулировавшая деятельность судебных исполнителей и состоящая из 34 статей. Ее разработкой занимался Петроградский губернский совет народных судей. Исполнительное производство было возложено на создаваемую коллегию судебных исполнителей, чей состав определялся Петроградским советом. Соответствующее положение и порядок назначения на должность устанавливались в ст. 2. Председатель суда мог передать исполнительное производство, начатое одним судебным исполнителем, другому по своему усмотрению (ст. 15). Стоит обратить внимание на ст. 9 инструкции, которая наделяла судебного исполнителя правом привлечь вооруженную помощь, если ему при исполнении решения суда было оказано сопротивление².

В Москве также были приняты собственные положения, которые имели определенные особенности. Лица, приводящие судебные решения в исполнение, стали именоваться судебными исполнителями. В некоторых документах можно было обнаружить термин «судебно-исполнительный комиссар», который позже был исправлен на «судебно-исполнительный подотдел»³. Существовало особое постановление Моссовета о функциях судебно-исполнительных подотделов (далее – постановление Моссовета)⁴. Этот нормативный правовой акт можно считать своеобразной инструкцией по организации районных органов, занимающихся исполнением судебных решений.

Судебные исполнители находились в составе судебно-исполнительных подотделов, руководство которыми, в свою очередь, принадлежало юридическому отделу районного совета. Общей координацией и наблюдением за деятельностью последних занимался юридический отдел Моссовета. Состав каждого судебно-исполнительного подотдела был четко определен: в нем должны были присутствовать руководитель подотдела (им становился судебный исполнитель, который назначался коллегией юридического отдела районного совдепа на руководящую должность с сохранением его привычных исполнительных функций), три судебных исполнителя (их число могло быть увеличено до десяти в особых случаях по решению юридического отдела Моссовета, как, например, в судебно-исполнительном подотделе совдепа городского района⁵), секретарь, делопроизводитель, машинист, курьер.

Интересен тот факт, что в подотдел по мере надобности мог быть назначен помощник судебного исполнителя. Он выполнял такие же функции, что и судебный исполнитель, и имел такой же оклад. Кроме того, в судебно-исполнительном подотделе присутствовал штат канцелярских работников, учреждающийся на общих осно-

¹ Голубев В. М. Институт судебных приставов в России: историко-правовое исследование. М.: Щит-М, 2011. С. 136.

² Эволюция органов принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов в России (XI–XXI вв.): моногр. / Е. Н. Воронов, В. Ю. Маркин, С. В. Ювченко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 53.

³ ЦГАМ (Центральный государственный архив г. Москва). Ф. Р-2364. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

ваниях. Определялась и территория, в пределах которой отдельно взятый подотдел приводил судебные решения в исполнение. Нарушать границы территории своего района подотдел не мог. Важно отметить, что постановление Моссовета определило порядок исполнения в случаях, если имущество, подлежащее исполнительным действиям, находилось на территории разных районов. Подотдел, начавший исполнительное производство в своем районе, имел право продолжать производство независимо от района нахождения имущества. При этом не допускалось выходить за границы Москвы (ст. 10).

В соответствии с постановлением Моссовета судебный исполнитель имел право производить обыск у должника (ст. 11). Эта же статья наделяла исполнителя правом совершения действий по взысканию имущества при отсутствии должника, дееспособных членов его семьи или лица, которому было вверено попечение в отношении имущества должника. При проведении соответствующих мероприятий следовало вызывать представителя местной милиции. Правда, если такие действия производились в присутствии двух свидетелей, разрешалось не привлекать милицию. Положения данной статьи можно оценить положительно, если принять во внимание специфику того времени: отпадал один из распространенных способов затягивания исполнения судебного решения, поскольку судебный исполнитель мог не ждать явки должника и сразу производить исполнительные действия. Вместе с тем открывался путь к ошибкам и произволу, особенно если учесть, что основанием вынесения судебных решений и действий исполнителей нередко становились их классовое чувство и революционное правосознание.

При совершении исполнительного производства подотдел был обязан взимать сбор, который шел в доход Народной казны по особой таксе, которую определял Моссовет (ст. 13). Постановление закрепило и порядок подачи жалобы на те или иные действия судебного исполнителя (ст. 14). Срок подачи жалобы составлял один месяц с момента, когда жалобщику стали известны неправомерные, по его мнению, действия судебного исполнителя. Жалобы на действия по исполнению судебных решений подавались в суд по месту исполнения решения через судебно-исполнительный подотдел. Жалобы по административным взысканиям подавались в юридические отделы Моссовета, где дело рассматривалось по существу. Если жалобщик оставался недоволен решением юридического отдела, то он имел право обратиться в местный суд. Такой порядок подачи жалоб на действия по исполнению решений сохранится и в более поздних нормативных правовых актах, например ст. 270 ГПК 1923 г.

Интересно рассмотреть фактическую организацию исполнения судебных решений. Типичный пример представляют организация и деятельность судебно-исполнительного подотдела Хамовнического района г. Москвы в период с февраля по апрель 1919 г. По состоянию на февраль в подотделе числились один судебный исполнитель Баженов и курьер. Из 947 дел, принятых Баженовым к производству в 1918 г., было исполнено порядка 486, т. е. чуть больше 50 %. К 1 февраля 1919 г. остались неисполненными 222 дела по взысканиям и 487 охранительных дел. В течение февраля подотдел принял 33 дела по взысканиям и 265 охранительных, из которых были исполнены 6 и 84 соответственно. Таким образом, к 1 марта остаток неисполненных дел только увеличился, в первую очередь по охранительным делам, которых суммарно осталось 668. В марте и апреле 1919 г. данная тенденция продолжилась: к 1 апреля неисполненными остались 293 дела по взысканиям и 1191 охранительное дело, по состоянию на 1 мая количество неисполненных дел выросло до 1900.

Уже на основании этого можно сделать вывод, что московские органы принудительного исполнения остро нуждались в кадрах, нехватка которых негативно сказывалась на работе судебно-исполнительных подотделов, неисполненные дела стабильно накапливались. Даже пополнения не особо исправляли ситуацию. Так, в подотделе Хамовнического района после пополнения рядов в апреле 1919 г. еще одним исполнителем число исполненных охранительных дел выросло с 79 (в марте) до 121 (в апреле), при том что остаток неисполненных охранительных дел составил 1597¹.

¹ ЦГАМ. Ф. Р-2364. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

Можно заключить, что ситуация в столичных судебном-исполнительных подотделах оставалась плачевной, несмотря на то что в Москве существовала развитая нормативно-правовая база.

Общим для многих регионов было то, что должностными лицами, призванными осуществлять исполнение судебного решения, нередко становились бывшие судебные приставы, реже – иные судебные работники, которые осуществляли эти функции и находились на службе до Октябрьской революции. Оказывался востребованным их профессиональный опыт, поскольку, как уже было сказано, исполнение судебных решений в это время производилось в соответствии с Уставом гражданского судопроизводства.

Значимым нормативным правовым актом в сфере исполнения судебных решений стало Положение о местных органах юстиции, принятое циркуляром НКЮ РСФСР от 27 августа 1920 г. № 20. Именно в нем приводилось общее определение функций судебных исполнителей, а также устанавливалась их подчиненность. В частности, указывалось, что судебные исполнители в своей деятельности должны руководствоваться специальной инструкцией, которой, впрочем, не существовало на момент принятия этого нормативного правового акта. Ответственным за ее разработку назначался НКЮ РСФСР. Однако работа над ней была приостановлена с началом разработки Гражданского процессуального кодекса. А с принятием ГПК, где достаточно полно регламентировалось исполнительное производство, актуальность разработки инструкций отпала.

Изменения в государственном строе привели к резкому уменьшению частного оборота, из-за чего снизилось число гражданских споров в судах. В связи с этим в период с 1917 по 1921 г. не было и острой необходимости не только в определении положения судебных исполнителей, но и даже в создании нового гражданского процессуального законодательства. Устав гражданского судопроизводства позволял решить возникавшие вопросы (положения статей, которые устарели и не соответствовали новому советскому законодательству, просто не применялись). Именно поэтому институт исполнения судебных решений по гражданским делам в те годы если и не был в глубоком упадке, то оставался без должного внимания.

Проблема стала остро ощущаться только с переходом к новой экономической политике. Именно тогда потребовалось изменить отношение к частной собственности и имущественным правам, что и было закреплено в ряде статей первой главы раздела «Вещное право» Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. и в принятом 22 мая 1922 г. декрете ВЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Поворот в экономической политике стал причиной возрождения гражданского оборота и, как следствие, увеличения количества гражданских дел в судах. Проблемы, связанные с отсутствием института судебных исполнителей, неопределенным порядком исполнения судебных решений и устаревшим гражданско-процессуальным законодательством стали ощущаться довольно остро. Устав гражданского судопроизводства уже не отвечал требованиям времени, а нормативных правовых актов, которые могли в полной мере заменить его, не существовало.

Важным событием для всей государственной и хозяйственно-экономической системы РСФСР стала судебная реформа 1922 г. Она началась с принятия Положения о судостроительстве РСФСР, утвержденного ВЦИК 11 ноября 1922 г. Изначальная его редакция не содержала норм об организации и порядке деятельности судебных исполнителей. Однако вскоре указанные пробелы были устранены соответствующими статьями постановления ВЦИК от 7 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Положения о судостроительстве РСФСР». Можно предположить, что столь скорое изменение этого нормативного правового акта было связано, во-первых, с отсутствием общих для всех регионов организационных принципов и установок, касающихся института судебных исполнителей, а во-вторых, с подготовкой к введению в действие ГПК РСФСР, который уже содержал положения о порядке исполнения судебных решений. Изменение Положения о судостроительстве РСФСР стало важным этапом оформления системы исполнения судебных решений, ведь согласно гл. VII Положения вводился полноценный институт судебных исполнителей, которые приобре-

ли статус государственных служащих¹. Данный документ, а также ст. 459 УПК РСФСР и Гражданский процессуальный кодекс стали нормативно-правовой базой деятельности по исполнению судебных решений.

В соответствии с редакцией Положения о судоустройстве РСФСР, принятой 7 июля 1923 г., судебные исполнители находились при губернских судах, причем председатель губернского суда назначал их на должность и увольнял (ст. 92). Организационная сторона деятельности судебных исполнителей находилась в ведении I Отдела НКЮ, что следует из содержания ст. 3 декрета ВЦИК от 1 февраля 1923 г. «Положение о Народном Комиссариате Юстиции». Были определены и источники финансирования деятельности судебных исполнителей, состоящих при губернских судах. Оно осуществлялось из государственного бюджета. Судебные исполнители закреплялись за районами народных судов (ст. 48). Подобное распределение отчасти базировалось на практике, сложившейся в некоторых регионах до реформы 1922 г. В примечании к ст. 48 Положения о судоустройстве РСФСР была установлена возможность действия судебного исполнителя за пределами его района, если такое распоряжение поступит от губернского суда или народного суда, вынесшего решение. По-прежнему предусматривалась возможность исполнения решения органами милиции или местными исполкомами.

В Положении о судоустройстве РСФСР обозначались требования к лицу, желающему поступить на службу судебным исполнителем (ст. 47). Прежде всего это стаж службы в любых органах советской юстиции, который составлял один год. Было также предусмотрено особое испытание, организацией которого занимался губернский суд. Законом определялись препятствия для замещения должности судебного исполнителя. Они были такими же, как и во многих других государственных органах. Замещать должность не могли граждане, которые ранее были исключены из общественных организаций, те, кто был лишен избирательного права, а также причастные к антисоветской деятельности в период Гражданской войны. Последние два ограничения носили явно политический характер, который был свойствен государственной службе эпохи диктатуры пролетариата.

Предусматривались разные варианты порядка замещения должности. Согласно основному лицу, поступающее на службу, подавало заявление уполномоченному губернского суда в зависимости от уезда. В заявлении указывалось стремление гражданина стать судебным исполнителем, а также трудовой стаж и место работы. Заявитель представлял анкету, в которой приводились его фамилия, имя и отчество, образование, семейное положение, опыт работы. Анкета оформлялась по определенным правилам с обозначением того уполномоченного губернского суда, уезда, на имя которого направлялись заявление и анкета. Документы можно было передавать непосредственно или отправлять по почте. Уполномоченным проводилась начальная проверка анкеты, причем за указание ложных данных заявитель мог нести ответственность. Играло роль и отношение к советской власти: если были сомнения в лояльности гражданина, то его кандидатура не рассматривалась.

После установления правдивости необходимых сведений комиссия выносила решение о допуске кандидата до испытания, дату которого определял начальник уездного исполкома. Испытание могло проводиться в открытой (очно) и закрытой форме (заочно). В первом случае кандидат на должность судебного исполнителя проходил своеобразное собеседование, в ходе которого уточнялись отдельные данные и устанавливались дополнительные сведения о его личности. По результатам заочного рассмотрения кандидатуры могло последовать ее одобрение или неодобрение, а также могло быть назначено собеседование, уже в открытой форме. В обоих случаях составлялся протокол с указанием решения комиссии. О результатах уведомлялся губернский суд.

Дальше назначался экзамен, который должен был показать уровень компетенций кандидата, его общую эрудицию, знания в таких областях юриспруденции, как гражданское и в меньшей степени уголовное право, гражданское процессуальное

¹ Симонов А. А. Институт судебных приставов: историко-правовой аспект, реалии и проблемы // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 4. С. 62.

и уголовно-процессуальное законодательство, основы советского судоустройства и исполнительного производства. В экзаменационную комиссию входили ответственные работники губернского суда (судьи, судебные исполнители и заместитель председателя). Участие в проведении экзамена мог принимать и уполномоченный, на имя которого подавалось заявление. Необходимо отметить отсутствие конкретных критериев оценки компетенций кандидата – многое решалось по усмотрению членов экзаменационной комиссии. После успешного прохождения испытаний поступающие на службу распределялись по судебным-исполнительным участкам, на что часто влияло их место жительства. Это было обусловлено необходимостью снижения транспортных расходов.

ГПК РСФСР, принятый постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г., устанавливал порядок исполнения судебных решений, действия судебных исполнителей и порядок их обжалования. Все это было определено в части пятой Кодекса. Положения этой части существенно отличались от аналогичных положений Устава гражданского судопроизводства, в первую очередь количественно. В ГПК исполнению судебных решений посвящено 62 статьи (ст. 255–316), в то время как Устав содержал свыше 420 статей (ст. 602–640, 652.1–652.3, 924–1281).

Меньшее количество статей в ГПК отчасти можно объяснить общими изменениями системы частного права. Так, в соответствии со ст. 21 Гражданского кодекса РСФСР отменялось деление на движимое и недвижимое имущество. В Уставе гражданского судопроизводства правила «об обращении взыскания на движимое имущество» (ст. 968–1093) были обособлены от правил «об обращении взыскания на недвижимое имущество» (ст. 1094–1208). Эти и другие сокращения можно связать со «стремлением законодателя дать в законе только основу, на которой должно быть построено исполнение судебного решения, предоставляя судебному исполнителю (и суду, разрешающему споры и жалобы, возникающие по исполнению решений, ср. ст. 270 ГПК) по своему усмотрению найти правильный выход из встретившегося в конкретном случае затруднения, руководствуясь, за недостатком узаконений и распоряжений, общими началами Советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства (ст. 4 ГПК)»¹. Из этого следует, что судебным исполнителям предоставлялось больше самостоятельности, а опираться в своих действиях им следовало на основные принципы советского права.

К отличиям ГПК 1923 г. от Устава гражданского судопроизводства следует отнести и то, что судебный исполнитель проводил весь процесс исполнения решения самостоятельно, без влияния взыскателя, хотя для начала исполнения требовалось его устное или письменное заявление (ст. 256 ГПК). Также взыскатель, в соответствии со ст. 265 ГПК, мог заявить о необходимости отложить или прекратить процесс исполнения. Кроме того, согласно ГПК 1923 г. судебный исполнитель производил оценку имущества должника, мог производить осмотр помещений и хранилищ должника (ст. 263) и опечатать имущество, указанное в описи (ст. 278). Действия по осмотру и опечатыванию имущества судебный исполнитель мог проводить по требованию взыскателя, но не был обязан удовлетворить такое требование.

Пятая часть ГПК 1923 г. достаточно подробно регламентировала порядок исполнения судебных решений, а также возможные и обязательные действия судебных исполнителей. Но это не исключало нарушений установленного порядка исполнения решений. Поэтому законодатель определил возможность обжалования действий судебного исполнителя. Стоит отметить нормы ст. 51 Положения о судоустройстве РСФСР в редакции от 7 июля 1923 г., согласно которым жалобы на волокиту или неправомерные действия судебных исполнителей подавались в народный суд, к которому относились соответствующие исполнители, тогда как прокурорские протесты направлялись председателю губернского суда. Подобные положения содержались в ст. 270 ГПК, которая устанавливала возможный порядок обжалования². Срок подачи жалобы составлял семь дней с момента, как жалобщик узнал о неправомерности

¹ Ходжаш А. В. Исполнение судебных решений по гражданскому процессуальному кодексу // Вестник советской юстиции. 1924. № 12. С. 342.

² Колпаков П. Г. О жалобах на действия судебных исполнителей, 249 и 270 статьи ГПК // Вестник советской юстиции. 1925. № 20. С. 794.

действий исполнителя. Жалоба направлялась народному судье, ответственному за район, где проводилось исполнение решения.

Практика применения положений ст. 270 ГПК показала, что установленные правила не могут полностью решить некоторые вопросы. Так, в изначальном варианте статьи не говорилось конкретно о возможном участии свидетелей со стороны заинтересованных лиц, не определялся порядок предоставления доказательств. На практике были случаи, когда обжалование осуществлялось не в народный суд, а в губернский, из-за чего также возникали вопросы, решить которые на основании ст. 270 ГПК не получалось. Это и стало причиной внесения в указанную статью поправок, которые были подготовлены комиссией по Отделу судостроительства НКЮ.

Новая редакция статьи, которая была направлена на рассмотрение в законодательные органы, гласила: «Жалобы на действия судебного исполнителя процессуально-правового характера по исполнению решений, которые имеют значение судебных актов и влекут за собой юридические последствия – надлежит подавать в народный суд, в районе коего производится исполнение, в семидневный срок со дня совершения обжалуемого действия, или же с момента, когда оно стало известно жалобщику. Эти жалобы рассматривает народный судья единолично в публичных судебных заседаниях с проверкою доказательств и с вызовом заинтересованных лиц, если таковые понадобятся, и постановления народного судьи дальнейшему обжалованию не подлежат...»¹. Также указывалось, что подача жалобы не приостанавливает процесс исполнения судебных решений, если только народный судья не распорядится приостановить данный процесс до принятия дальнейших решений. Помимо жалоб процессуально-правового характера выделялась категория неправовых жалоб. К ним относились жалобы на нарушения судебным исполнителем служебных обязанностей, в первую очередь волокиту или медлительность. Процесс подачи жалоб на действия такого рода был регламентирован иначе: во-первых, не был ограничен срок их подачи, а во-вторых, они подавались председателю соответствующего окружного суда.

Таким образом, можно сказать, что ГПК РСФСР 1923 г. достаточно полно регулировал порядок исполнения судебных решений. Отчасти он воспроизводил положения законов, действовавших до Революции и в период Гражданской войны. Многие положения были отредактированы, чтобы соответствовать новым реалиям советского общества, его политическим и правовым принципам. Кроме того, статьи ГПК совершенствовались с учетом опыта их применения. Данный Кодекс в совокупности с Положением о судостроительстве РСФСР составил нормативно-правовую базу института судебных исполнителей, который был необходим в условиях новой экономической политики.

Нормативные правовые акты, принятые в последующие годы, не сильно затронули институт судебных исполнителей. В Положении о судостроительстве РСФСР, утвержденном ВЦИК 19 ноября 1926 г., судебным исполнителям была посвящена гл. XIII. Значительных новелл в новом нормативном правовом акте не было. Однако уточнялись требования к судебным исполнителям и ограничения для поступления на службу. Во-первых, было исключено условие, в соответствии с которым судебными исполнителями не могли быть лица, замеченные в причастности к антисоветским партиям или в нелояльном отношении к советской власти в период Гражданской войны. Можно, конечно, сказать, что новые условия были менее политизированы. Но на деле это условие было просто излишним, поскольку сохранилось обязательное требование о наличии избирательного права у претендента на должность. Во-вторых, по новым условиям на службу могли принимать тех, кто был исключен из общественных организаций за порочащие поступки и поведение, но только если с момента исключения прошло больше трех лет или если эти лица были реабилитированы. Осужденные за преступления также могли поступить на службу после полного погашения судимости. Таким образом, в Положении о судостроительстве РСФСР 1926 г. требования к судебным исполнителям в целом стали более демократичными.

¹ Дубинский Л. С. Обжалование действий судебного исполнителя // Вестник советской юстиции. 1926. № 24. С. 948.

Это можно объяснить нехваткой служебных кадров, во многом связанной с небольшим размером жалования, несмотря на очень большой объем работы¹.

Подводя итог сказанному, можно сделать несколько выводов.

Несмотря на проведение политики военного коммунизма, снижение гражданского оборота, ограничение числа гражданских споров, институт судебных исполнителей сохранился в период Гражданской войны, во многом благодаря региональным нормативным правовым актам, корректировавшим исполнительное производство в соответствии с местной ситуацией. Это позволяло обеспечить на местах относительную эффективность работы по исполнению судебных решений.

В ходе судебной реформы 1922 г. стало необходимым и возможным формирование единой системы судебно-исполнительных органов, общих принципов и правил исполнения решений суда. В законодательство вернули ряд принципов, которые определяли порядок исполнения судебных решений в Российской империи. При этом сохранялись новеллы первых лет Советской власти, в частности классовый подход к назначению на должности и возможность исполнения судебных решений органами исполнительной власти и органами милиции.

По сравнению с дореволюционным советское законодательство о судебных исполнителях было значительно менее детализированным. Нормами ГПК РСФСР 1923 г. судебным исполнителям предоставлялось больше самостоятельности, а опираться в своих действиях им следовало на основные принципы советского права. В течение первого десятилетия процедура совершенствовалась, допускалось более широкое привлечение в службу исполнения судебных решений дореволюционных специалистов, некоторые требования, носившие политический характер, были исключены. Но даже частичный отход от классового принципа не помог решить проблему катастрофической нехватки кадров.

Болевыми точками в течение всего XX в. оставались низкая оплата труда, непрестижность службы судебных исполнителей и связанные с этим «текучесть» кадров, накопление неисполненных судебных решений. Эти проблемы сохранили актуальность до настоящего времени. Принятый в октябре 2019 г. Федеральный закон № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» отчасти направлен на их решение за счет улучшения материального обеспечения сотрудников Федеральной службы судебных приставов. Но об эффективности принятых мер судить пока рано.

Список литературы

Абдулин Р. С. Роль органов судебного управления в кадровом обеспечении судебной системы РСФСР (1917–1930 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2014. № 2. С. 1–21. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10966 (дата обращения: 16.07.2021).

Брагинский М. М. Исполнение судебных решений // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 2. С. 5–6.

Голубев В. М. Институт судебных приставов в России: историко-правовое исследование. М.: Щит-М, 2011. 272 с.

Дубинский Л. С. Обжалование действий судебного исполнителя // Вестник советской юстиции. 1926. № 24. С. 946–948.

Колпаков П. Г. О жалобах на действия судебных исполнителей, 249 и 270 статьи ГПК // Вестник советской юстиции. 1925. № 20. С. 794–795.

Луценко О. Б. К истории вопроса становления института судебного пристава-исполнителя // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 231–236.

Симонов А. А. Институт судебных приставов: историко-правовой аспект, реалии и проблемы // Юрист-Правоведъ. 2007. № 4. С. 61–65.

Ходжаш А. В. Исполнение судебных решений по гражданскому процессуальному кодексу // Вестник советской юстиции. 1924. № 12. С. 340–345.

ЦГАМ (Центральный государственный архив г. Москва). Ф. Р-2364. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2, 10, 13.

Эволюция органов принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов в России (XI–XXI вв.): моногр. / Е. Н. Воронов, В. Ю. Маркин, С. В. Ювченко. М.: Юрлитинформ, 2016. 342 с.

¹ Абдулин Р. С. Роль органов судебного управления в кадровом обеспечении судебной системы РСФСР (1917–1930 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2014. № 2. С. 19. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10966 (дата обращения: 16.07.2021).

References

Abdulin R. S. (2014) Rol' organov sudebnogo upravleniya v kadrovom obespechenii sudebnoi sistemy RSFSR (1917–1930 gg.) [The role of judicial management bodies in the personnel support of the judicial system of the RSFSR (1917–1930)]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 1–21, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10966 (accessed: 16.07.2021).

Braginskii M. M. (1922) Iсполнение sudebnykh reshenii [Enforcement of judicial decisions]. In *Ezhe-nedel'nik sovetskoi yustitsii*, no. 2, pp. 5–6.

Dubinskii L. S. (1926) Obzhalovanie deistvii sudebnogo ispolnitelya [Appeal of the actions of the bailiff]. In *Vestnik sovetskoi yustitsii*, no. 24, pp. 946–948.

Golubev V. M. (2011) *Institut sudebnykh pristavov v Rossii: istoriko-pravovoe issledovanie* [Institute of bailiffs in Russia: a historical and legal research]. Moscow, Shchit-M, 272 p.

Khodzhash A. V. (1924) Iсполнение sudebnykh reshenii po grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu [Execution of court decisions under the Civil Procedure Code]. In *Vestnik sovetskoi yustitsii*, no. 12, pp. 340–345.

Kolpakov P. G. (1925) O zhalobakh na deistviya sudebnykh ispolnitelei, 249 i 270 stat'i GPK [On complaints about the actions of bailiffs, 249 and 270 articles of the CPC]. In *Vestnik sovetskoi yustitsii*, no. 20, pp. 794–795.

Lutsenko O. B. (2009) K istorii voprosa stanovleniya instituta sudebnogo pristava-ispolnitelya [On the history of the formation of the institution of a bailiff]. In *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, no. 110, pp. 231–236.

Simonov A. A. (2007) Institut sudebnykh pristavov: istoriko-pravovoi aspekt, realii i problemy [Institute of bailiffs: historical and legal aspect, realities and problems]. In *Yurist"-Pravoved"*, no. 4, pp. 61–65.

TsGAM (Moscow Central State Archives). Collection P-2364. Inventory 1. Case 22. Lists 1–2, 10, 13.

Voronov E. N., Markin V. Yu., Yuvchenko S. V. (2016) *Evolyutsiya organov prinuditel'nogo ispolneniya sudebnykh aktov i aktov inykh organov v Rossii (XI–XXI vv.)* [Evolution of the bodies enforcing judicial acts and acts of other bodies in Russia (XI–XXI centuries)]. Moscow, Yurlitinform, 342 p.

**«КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ 2020:
ЗНАЧЕНИЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ПЕРВАЯ ПРАКТИКА»:
ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА****Бендюрина Светлана Владимировна**

Доцент кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-4374-8337,
e-mail: bendurina_s@list.ru.

Для цитирования: Бендюрина С. В. «Конституционные поправки 2020: значение, законодательные изменения, первая практика»: обзор круглого стола // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 62–66. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_62.

**«CONSTITUTIONAL AMENDMENTS 2020:
MEANING, LEGISLATIVE CHANGES, FIRST PRACTICE»:
A ROUND TABLE OVERVIEW****Bendyurina Svetlana**

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-4374-8337, e-mail: bendurina_s@list.ru.

For citation: Bendyurina S. (2021) «Constitutional amendments 2020: meaning, legislative changes, first practice»: a round table overview. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 62–66, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_62.

12 декабря 2020 г. в день Конституции России в онлайн-формате состоялся круглый стол, организованный коллективом кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ). Актуальность круглого стола обусловлена проведением с 25 июня по 1 июля 2020 г. исторически значимого общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ и вступлением в силу 4 июля 2020 г. принятых поправок.

В настоящее время парламентарии обеспечивают необходимой нормативной базой¹ реализацию положений обновленной Конституции РФ, что требует научного осмысления.

В рамках названного мероприятия обсуждались новеллы, повлиявшие на процедуру внесения поправок в Конституцию РФ; этапы реформы федерального конституционного судебного процесса и упразднение конституционных (уставных) судов субъектов РФ; статусы Государственного Совета РФ и Правительства РФ; роль местного самоуправления в системе публичной власти; федеральные территории как новый институт конституционного права; другие изменения Конституции, законопроекты и законы, принятые в развитие поправок к ней. Акцент был сделан на объединении усилий представителей научно-исследовательских и образовательных организаций по переосмыслению содержания предмета конституционного права в свете конституционной реформы 2020 г., оценке ее влияния на форму правления в России, обоб-

¹ Федеральные конституционные законы от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“»; от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»; от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»; федеральные законы от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»; от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории „Сириус“».

щению практики проведения всероссийского голосования, в том числе с использованием технологии блокчейн.

В мероприятии приняли участие более 40 представителей научно-педагогического сообщества Уральского государственного юридического университета, Московского государственного института международных отношений МИД России, Балтийского федерального университета им. И. Канта, Новосибирского государственного университета, Тюменского государственного университета, Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина, Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов и других учебных заведений.

Открывая заседание круглого стола и приветствуя его участников, заведующий кафедрой конституционного права УрГЮУ, заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор М. С. Саликов отметил своевременность и важность обсуждаемой темы и подчеркнул, что 2020 г. для конституционалистов особенный: ученым предстоит проанализировать результаты масштабной конституционной реформы в научных трудах, а также отразить их в учебных планах.

М. С. Саликов озвучил несколько направлений для дискуссии. В первую очередь было предложено обсудить реализацию усложненной процедуры внесения поправок в Конституцию РФ, согласно которой появились не только дополнительные мероприятия и участники (общероссийское голосование, обращение Президента РФ с запросом в Конституционный Суд РФ, подготовка заключения Конституционным Судом РФ), но и дополнительное правовое регулирование¹. Невозможно было оставить без внимания вопросы конституционного правосудия, поскольку в обновленной Конституции РФ очевидны, с одной стороны, изменения косметического характера (например, сокращение числа судей Конституционного Суда РФ с 19 до 11 человек, расширение компетенции суда), а с другой – кардинальные изменения, связанные с упразднением региональной юстиции. Обмена мнениями требовала новая редакция ст. 118 Конституции РФ, по смыслу которой под вопросом оказался один из признаков федеративного государства – двухуровневая система органов власти, основанная на принципе разделения власти. Также было предложено проанализировать законодательство, развивающее внесенные в Конституцию России поправки.

Доцент кафедры конституционного права УрГЮУ, кандидат юридических наук А. А. Югов начал дискуссию с рассмотрения вопросов о понятии и содержании предмета конституционного права в свете конституционной реформы 2020 г. Он отметил, что обновленная Конституция РФ и развивающее ее законодательство создают богатую базу для осмысления новых подходов к пониманию института публичной власти, что неизбежно приведет к изменениям в учебных программах дисциплины. Принятый 8 декабря 2020 г. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» конституировал институт публичной власти, однако отдельные его положения (ст. 2, п. 10 ст. 17), по мнению докладчика, требуют редакции, чтобы соответствовать конституционным установлениям (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ и др.).

Размышления о публичной власти, а именно об отдельных проблемах построения системы публичной власти в свете поправок в Конституцию РФ и принятого в их развитие ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», представила доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина, кандидат юридических наук Е. А. Кравцова. По ее мнению, понятие единой системы публичной власти, сформулированное в ст. 2 названного Закона, не в полной мере охватывает институты гражданского общества; обращение же к доктринальным источникам позволяет обнаружить различные подходы к пониманию публичной власти. Согласно первому публичная власть пред-

¹ Статьи 2 и 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

ставлена государственными институтами; в соответствии со вторым, нашедшим отражение в Конституции РФ и законодательстве, это система государственной и муниципальной власти; представители же третьего подхода утверждают, что публичная власть включает в себя государственную, муниципальную власть и иные институты гражданского общества.

С точки зрения Е. А. Кравцовой, для сохранения принципа публичности власти при формировании Государственного Совета институты гражданского общества должны быть представлены максимально (сегодня в состав Совета входят лишь политические партии, представленные в Государственной Думе ФС РФ).

Доцент кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук Д. А. Авдеев проанализировал отечественную форму правления в свете конституционных поправок 2020 г., которые затронули вопросы организации публичной власти на всех ее уровнях. На примере отдельных положений Конституции РФ (ст. 83, ч. 1 ст. 110), которые установили систему взаимоотношений между Президентом РФ и Правительством РФ, закрепив общее руководство исполнительной властью за Президентом, ученый охарактеризовал сложность российской системы исполнительной власти, ее дихотомический характер – двойственность происхождения правительственных и президентских полномочий.

По убеждению Д. А. Авдеева, существующая классификация форм правления (президентская, парламентская республика, их разновидности) не отражает в полной мере современное развитие публичной власти в стране, поэтому нужна новая классификация форм правления, которая фиксировала бы действительный характер взаимоотношений между органами власти. Д. А. Авдеев предлагает выделить монархическую и поликратическую модели форм правления в зависимости от степени концентрации полномочий у тех или иных органов власти в государстве. С учетом реформы 2020 г. в России установлена монархическая модель, при которой стратегические полномочия сконцентрированы в центре, возглавляемом Президентом РФ.

Неподдельный интерес участников дискуссии вызвал вопрос об организации власти и уровнях осуществления публичной власти в пределах новой территориальной единицы в составе России – федеральной территории. Полемика, инициированная М. С. Саликовым, О. А. Кожевниковым и А. А. Юговым, привела к выводу, что федерализм характеризуется многоуровневой пространственной основой, органы власти существуют в пределах территории, а это, в свою очередь, является главным условием существования и функционирования власти.

С докладом о статусе судебной власти в Российской Федерации после конституционных поправок 2020 г. выступил профессор Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, доктор политических наук И. А. Иванников. Он отметил, что конституционная реформа изменила деятельность органов публичной власти в целом и Конституционного Суда РФ в частности. Автор обозначил вопрос о возрастном цензе для судей КС РФ, предлагая установить единый предельный возраст (70–75 лет) в отношении всех судей, невзирая на занимаемую должность. Также И. А. Иванников считает, что максимальный срок осуществления полномочий судьями КС РФ должен составлять не более 12 лет.

Доцент, заведующий кафедрой международного и европейского права Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат юридических наук Е. В. Герасимова изложила историю принятия решения об упразднении Уставного суда Калининградской области (далее – УСКО).

В октябре 2020 г. УСКО, рассматривая в рамках предварительного нормоконтроля проект уставного закона Калининградской области о своем упразднении с 1 апреля 2021 г., не усмотрел в нем противоречий законодательству и согласился с тем, что право на упразднение УСКО – право субъекта федерации. Е. В. Герасимова обратилась к зарубежному опыту, в частности к стандартам Венецианской комиссии по разрешению вопросов собственного дела в рамках конституционного контроля¹,

¹ URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-PI\(2020\)018-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-PI(2020)018-e) (дата обращения: 30.03.2021).

в соответствии с которыми конституционные суды должны пользоваться институциональным уважением, их решения должны соблюдаться, при этом конституционные суды должны исходить из такой реализации своих полномочий, которая обеспечивала бы правовую определенность и стабильность конституционного регулирования. Чего не произошло в ситуации с УСКО. Открытыми в этой истории остались вопросы о трансформации УСКО в конституционные / уставные советы, действующие при законодательных (представительных) органах власти субъектов; о правовых основах регулирования статуса таких советов и их функционального назначения; об осмыслении наследия УСКО.

Дискуссию о реформировании конституционного правосудия поддержал доцент кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России, кандидат юридических наук К. В. Карпенко. Он вынес на обсуждение вопрос об особом мнении судьи Конституционного Суда как способе развития права. В редакции закона о Конституционном Суде РФ от 9 ноября 2020 г. институт особого мнения судьи фактически ликвидирован, формально не запрещено высказывать особое мнение, но судья не может критиковать КС РФ, тогда как особое мнение судьи – это всегда несогласие с позицией Суда, выраженное в строго научной форме.

К. В. Карпенко отметил, что особое мнение не только отражает позицию судьи, гарантирует его независимость, возможность высказаться, но также оказывает влияние на науку и в дальнейшем вполне может стать объектом изучения в рамках учебных дисциплин. Кроме того, особое мнение развивает методологию сравнительного правоведения, так как его можно использовать в практике иностранных судов. Особое мнение конкретного судьи предлагает иное толкование нормы конституции, иное видение проблемы, по которой было принято решение большинства, что способствует обогащению юридической аргументации. Особое мнение нередко вызывает отклик в научном обществе, полемику, что может привести к возникновению новой теории в праве. Докладчик добавил, что существование особого мнения не является повсеместным, из 27 стран Европейского союза 20 предоставляют судье возможность высказывать особое мнение.

Выступление вызвало оживленную дискуссию. Доцент кафедры конституционного права УрГЮУ, доктор юридических наук С. Э. Либанова согласилась с тем, что для развития гражданского общества ликвидация особого мнения судьи – утрата. Доцент, кандидат юридических наук А. В. Саенко поднял вопрос о конституционности закрепления особого мнения судьи. Соответствующие положения ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и Регламента Конституционного Суда РФ ставят под сомнение реализацию права на судебную защиту и права судьи на свободу слова, нарушают принцип судебной независимости и препятствуют развитию институтов демократии.

Заместитель заведующего кафедрой Московского финансово-юридического университета, доцент, кандидат юридических наук Е. В. Былинкина представила анализ использования при проведении общероссийского голосования информационных технологий, а именно дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ), реализованного на территории Москвы и Нижегородской области. Практика показала необходимость более широкого внедрения ДЭГ, так как имеется запрос общества на развитие данной формы голосования, подтвержденный результатами опроса ВЦИОМ: треть граждан электронную форму голосования предпочла бы традиционной. Однако опрос ВЦИОМ выявил и минусы ДЭГ: риски утечки данных, недостаток открытости для общественного контроля и, как следствие, простор для фальсификации результатов голосования.

Есть уверенность, что блокчейн как технология доверия позволит нивелировать недостатки электронного голосования и обеспечить соблюдение всех требований, которые предъявляются законодательством к процедуре голосования. Изучив технологическую составляющую блокчейн, автор считает, что она не позволяет добиться прозрачности и неизменности в базе данных голосов избирателей, соблюдения требований, которые предъявляются избирательным законодательством РФ. Однако современное развитие общества требует повышения информированности граждан

о новой технологии голосования, их вовлеченности в этот процесс, при этом параллельно следует искать пути совершенствования ДЭГ.

Доцент Московского финансово-юридического университета (филиала в г. Орске), кандидат юридических наук О. А. Фомичева рассмотрела конституционные преобразования законотворческого процесса в субъектах РФ. Обратившись к конституционной практике привлечения органов конституционного контроля к законодательному процессу (проверка на соответствие Конституции РФ международных договоров, не вступивших в силу), автор поставила под сомнение возможность распространения этой практики на все виды принимаемых законов (федеральные, региональные), считая, что это приведет к усложнению механизма правового регулирования законотворческих процессов.

Измененная глава 17 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», регламентирующая реализацию Конституционным Судом полномочий по проверке на соответствие Конституции РФ законов, принятых не только парламентом России, но и региональными парламентами, неизбежно влечет дополнительные серьезные изменения законодательства, касающиеся правил промульгации законов на федеральном и региональном уровнях. О. А. Фомичева обратила внимание на ряд важных вопросов, которые должны быть урегулированы в рамках регионального законотворческого процесса: определение субъекта, информирующего Президента РФ о противоречивости закона субъекта; установление соотношения сроков промульгации законов субъекта и срока обращения Президента РФ в Конституционный Суд РФ; исключение возможности такого запроса по особым видам законов субъекта (например, о бюджете и др.); определение стадий возвращения закона в случае ответственности / несоответствия Конституции РФ и др.

В заключение О. А. Фомичева предложила рассмотреть в качестве альтернативы запросу Президента РФ возможность применения в законодательном процессе не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов таких институтов, как референдум, голосование, опрос.

Доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского государственного университета и кафедры правоведения Новосибирского государственного технического университета, кандидат юридических наук Е. В. Раздьяконова высказалась по вопросу о закреплении статуса человека труда и о том, с помощью каких механизмов будет обеспечиваться реализация этого статуса. Внесенные в Конституцию РФ поправки определили человека труда как новую конституционную ценность (ст. 75, 75.1, ст. 114). Главный смысл этих изменений – гарантировать достоинство и уважение человека труда через рост благосостояния граждан. Современная социально ориентированная экономическая модель государства должна опираться не на минимальные, а на средние стандарты социального благополучия, обеспечивающие достойный уровень жизни.

Доцент Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук В. Н. Ильченко акцентировала внимание на содержании внесенной в Конституцию РФ поправки, провозглашающей «преимущество в развитии Российского государства» и «сохранение памяти предков, передавших идеалы и веру в Бога» (ч. 2 ст. 67.1). Данная поправка заложила правила будущего государственно-конфессионального взаимодействия и требует особого осмысления.

Лейтмотивом выступлений круглого стола стало обсуждение обновленного текста Конституции России и подвижности законодательства, обеспечивающего действенность конституционных положений. Участники встречи отметили, что интерес к Основному закону страны только увеличивается, поэтому дискуссия о реализации конституционных поправок 2020 г., без сомнения, будет продолжена.

**ПРАВА ПЕНСИОНЕРОВ:
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ**
Рец. на кн.: **Права пенсионеров: российское законодательство
и зарубежный опыт: научно-практическое пособие /
отв. ред. Н. В. Путило. – Москва: Проспект, 2020. – 288 с.**

Федорова Марина Юрьевна

Советник Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-2787-1669,
e-mail: fmulawkc@mail.ru

Для цитирования: Федорова М. Ю. Права пенсионеров: комплексный подход к актуальной проблеме. Рец. на кн.: Права пенсионеров: российское законодательство и зарубежный опыт: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. В. Путило. – Москва: Проспект, 2020. – 288 с. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 2. С. 67–72. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_67.

**PENSIONERS' RIGHTS:
AN INTEGRATED APPROACH TO AN URGENT ISSUE**
Review of the book: **Pensioners' rights: Russian legislation
and foreign experience: a scientific and practical guide /
ed. by N. V. Putilo. – Moscow: Prospect, 2020. – 288 p.**

Fedorova Marina

Counsellor, Constitutional Court of the Russian Federation (Saint Petersburg),
doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-2787-1669, e-mail: fmulawkc@mail.ru

*For citation: Fedorova M. (2021) Pensioners' rights: an integrated approach to an urgent issue. Review of the book: Pensioners' rights: Russian legislation and foreign experience: a scientific and practical guide / ed. by N. V. Putilo. – Moscow: Prospect, 2020. – 288 p. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 67–72, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_67.*

Одной из немногих научных организаций, которые на постоянной основе осуществляют исследования по социально-правовой проблематике, является Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Из-под пера его сотрудников вышло много достойных работ, посвященных правовому регулированию в социальной сфере и ее отдельных отраслях¹. Это и монографии, и комментарии к законодательству, и научно-практические пособия. В 2020 г. перечень таких изданий пополнился научно-практическим пособием «Права пенсионеров: российское законодательство и зарубежный опыт». В состав авторского коллектива вошли сотрудники различных отделов названного Института (социального законодательства; законодательства о труде и социальном обеспечении; экологического и природоресурсного законодательства; финансового, налогового и бюджетного законодательства и др.). Благодаря этому в работе затронут широкий спектр вопросов, касающихся правового положения пенсионеров, а также наметившихся и желаемых тенденций его развития в условиях глобальных вызовов для человечества.

¹ См., например: Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: моногр. М.: Контракт, 2012; Социальное законодательство: науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков. М.: Контракт : ИНФРА-М, 2005; Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. В. Путило. М.: Проспект, 2019.

Одним из таких вызовов является старение населения, с которым в той или иной степени столкнулись многие современные государства. Увеличение продолжительности жизни на фоне снижения рождаемости приводит к возрастным диспропорциям в демографической структуре населения. Ванесса Бэрд приводит следующие данные: с 1950 г. глобальная средняя продолжительность жизни увеличилась на 21 год (с 46 лет в 1950–1955 гг. до 67 лет в 2005–2010 гг.). По прогнозам демографов, к 2045 г. впервые в истории количество пожилых людей в мире может превысить количество детей, а во многих странах такое соотношение имеется уже сейчас¹. Эти процессы оказывают серьезное влияние на все сферы жизни общества, включая национальные системы социальной защиты, в первую очередь пенсионные системы. Их функционирование на распределительной основе становится все менее эффективным, в связи с чем солидарный принцип пенсионного обеспечения постепенно дополняется накопительным. Государства вынуждены ужесточать условия пенсионного обеспечения (в частности, повышать пенсионный возраст, увеличивать требования к стажу работы или страхования), постепенно модифицировать структуру пенсионных систем путем стимулирования корпоративного и индивидуального страхования пенсионных рисков. В рассматриваемом контексте чаще всего обсуждаются экономические аспекты совершенствования пенсионного обеспечения с учетом современных демографических факторов. Но в действительности проблема социальной защиты пенсионеров носит гораздо более глубокий, если не сказать системный, характер, а для выработки путей ее решения требуется всесторонний анализ.

Именно такой комплексный подход к проблеме прав пенсионеров продемонстрировали авторы рецензируемого пособия. Были затронуты философские, социологические, культурологические, психологические аспекты социальной защиты пенсионеров в условиях старения населения. Отдельная глава посвящена вопросам взаимодействия («соприкосновения», по терминологии авторов) права и геронтологии. Исследован исторический опыт (советский и постсоветский) в развитии социального обеспечения пенсионеров. Предметом теоретического анализа применительно к теме пособия стали такие основополагающие категории, как «правовой статус» и «правовое положение», «правосубъектность», «субъект права» и «субъект правоотношения».

Наиболее объемным и содержательным в рецензируемом пособии является раздел II «Правовой статус пенсионеров: анализ основных отраслей российского права». В нем исследованы права пенсионеров в таких социально значимых сферах, как охрана здоровья, лекарственное обеспечение, социальное обслуживание, образование, труд и занятость, пенсионное обеспечение, культура и спорт. Рассмотрены меры налогово-правовой поддержки пенсионеров, а также защита прав пенсионеров (в том числе с использованием механизма бесплатной юридической помощи) и особенности их привлечения к уголовной и административной ответственности. Анализируются международно-правовые акты, законодательство Российской Федерации и ее субъектов. Привлекается практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека. В необходимых случаях приводятся примеры из опыта иностранных государств.

При этом в структуре научно-практического пособия выделен раздел III «Международное право и зарубежное законодательство о правах пенсионеров». В нем обозначены контуры международно-правового регулирования в области социальной защиты пенсионеров, названы универсальные и региональные акты о правах пенсионеров, дана их краткая характеристика. Особое внимание уделено актам Международной организации труда, многосторонним и двусторонним международным договорам по вопросам социального обеспечения. Авторы рассматривают зарубежный опыт в развитии систем социальной защиты пенсионеров. Так, приводятся интересные данные об организации гериатрической помощи и программах по уходу за пожилыми в Австралии, пенсионном обеспечении в Канаде, бесплатной юридической помощи и правовом просвещении пожилых в Польше, медицинском обслуживании названных категорий лиц и страховании долгосрочного ухода в Японии.

¹ Бэрд В. Мировое население / пер. с англ. Л. Киршанской. М.: Кн. клуб Книговек, 2014. С. 53, 55.

Структура и содержание рецензируемого пособия свидетельствуют об успешном применении авторским коллективом междисциплинарного и межотраслевого подхода к проблеме совершенствования социальной защиты пенсионеров. С этой точки зрения пособие может быть рекомендовано не только специалистам профильных сфер (социального обеспечения, медицины и занятости), но и обучающимся в образовательных учреждениях профессионального образования по соответствующим направлениям подготовки и специальностям (в том числе по программам магистратуры и подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре). Оно могло бы быть востребовано также общественными организациями, объединяющими лиц пожилого возраста, пенсионеров.

Заслуга авторского коллектива видится еще и в определении примерной схемы, на основе которой могут проводиться комплексные исследования правового статуса других категорий граждан, нуждающихся в повышенной социальной защите: инвалидов, семей с детьми, мигрантов и т. п.

Тем не менее по ряду позиций рецензируемое пособие, на наш взгляд, заслуживает критических замечаний. Главное из них касается соотношения его названия и содержания. Как следует из названия, пособие посвящено правам пенсионеров, т. е. лиц, получающих пенсии¹. Однако уже в предисловии акцент делается на проблеме старения населения и потребности поиска правовых средств, которые обеспечивали бы защиту прав и интересов пожилых граждан (лиц старшего возраста). Одновременно с этим авторы ссылаются на необходимость «выйти за рамки традиционного „сведения“ пенсионеров к лицам, достигшим пенсионного возраста по старости. Комплексный взгляд на пенсионеров как особую категорию, используемую для общего видового обозначения всех групп получателей пенсий, позволяет выявить общее в правовом регулировании ряда отраслевых прав (на лекарственное обеспечение, на социальное обслуживание и др.). Более того, именно этот подход позволяет показать различия в механизме предоставления тех или иных социальных благ, их объеме, обусловленные именно принадлежностью к возрастной (или выделенной по иному социально значимому основанию) группе» (с. 11).

При этом в тексте неоднократно приводятся рассуждения о том, какой смысл следует вкладывать в понятие «пенсионер». Так, на с. 35 авторы оговаривают, что «с точки зрения семантики понятие „пенсионер“ по своему значению охватывает не только лиц пожилого возраста, но и все иные категории нетрудоспособных граждан, получающих пенсионные выплаты (инвалидов, включая детей-инвалидов, семьи, потерявшие кормильца)». Однако на с. 38 читатели узнают, что «для удобства содержательного раскрытия особенностей правового положения пенсионеров или „лиц третьего возраста“ сообразно целям настоящего исследования термин „пенсионер“ правильнее всего использовать в собирательном значении, охватывающем всех лиц, достигших пенсионного возраста, то есть пожилых в собственном смысле, старых людей и долгожителей». Далее на с. 172 указывается, что «пенсионеры и лица пожилого возраста составляют две пересекающиеся, но не тождественные группы. Лица пожилого возраста могут как получать, так и не получать пенсию (т. е. не быть пенсионерами) и при этом факт назначения пенсии может иметь место не только в пожилом возрасте», хотя обе названные группы выступают адресатами государственной социальной поддержки. А на с. 183 применительно к налоговым льготам (со ссылкой на письмо Министерства финансов РФ, содержащее соответствующие разъяснения) предлагается «при трактовке термина „пенсионер“... исходить из его буквального смысла, понимая под таковым лицо, получающее пенсию в соответствии с действующим законодательством».

Складывается впечатление, что авторы и сами окончательно не определились с тем, о какой категории (или категориях) лиц они пишут, по какому основанию выделена эта категория – возрастному либо связанному с получением пенсий любых видов, чем обусловлена необходимость в предоставлении относящимся к ней гражданам мер социальной поддержки.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС : Мир и образование, 2008. С. 407; Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт : Дом. XXI век, 2008. С. 667.

В связи с этим обращает на себя внимание несогласованность в наименованиях разделов, глав и параграфов. Так, из названия раздела II следует, что речь в нем пойдет о правах пенсионеров. Тем не менее в названиях трех из девяти глав используются термины «лица пожилого возраста» или «пожилые граждане». Глава 5 названа «Лекарственное обеспечение лиц пожилого возраста», а входящий в ее содержание параграф 5.1 озаглавлен следующим образом: «Право на лекарственное обеспечение как элемент правового статуса пенсионера». Глава 10 названа «Права пенсионеров в области культуры и спорта», а параграф 10.2 имеет заголовок «Физкультура для пожилых и ветеранский спорт». В названии уже упоминавшегося раздела III, как и входящей в его структуру главы 13, речь идет о правах пенсионеров. А вот глава 14 в рамках того же раздела получила название «Программы поддержки пожилых граждан: новые подходы в России и зарубежных странах». При этом в ней наряду с описанием отдельных мер социальной защиты рассматриваемых категорий граждан в иностранных государствах анализируется опыт ряда субъектов РФ в развитии института приемной семьи для пожилых людей, хотя, по сути, речь идет о стационаро-замещающих технологиях социального обслуживания, которому посвящена глава 6.

Вне зависимости от того, какую задачу ставили перед собой авторы рецензируемого пособия и какие категории граждан – лица пожилого возраста, пенсионеры либо и те, и другие – должны были попасть в орбиту их исследования, трудно усмотреть логику в том, что глава 8 посвящена пенсионным правам лиц, не достигших пенсионного возраста. Содержание данной главы тоже не добавляет ясности, поскольку в значительной ее части (с. 116–122), следующей за беглым историческим анализом развития пенсионного обеспечения в нашей стране, буквально воспроизводятся положения ст. 30, 32, 10, 9 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и ст. 11 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с. 123–124). После краткой характеристики опыта США и Германии в сфере социальной защиты пенсионеров делается вывод о том, что в настоящее время в России есть две «условные группы лиц, имеющих право на получение пенсии до достижения ими пенсионного возраста»: 1) лица из числа льготных категорий, для которых снижение пенсионного возраста обусловлено наличием «страхового пенсионного стажа» (те, кто трудился в тяжелых условиях либо на Крайнем Севере и т. д.); 2) получатели социальных пенсий, которым такие пенсии назначаются независимо от наличия названного стажа (с. 130). Помимо того, что термин «страховой пенсионный стаж» не используется в российском пенсионном законодательстве, это далеко не полный перечень категорий лиц, которые вправе претендовать на пенсию независимо от возраста либо до достижения общеустановленного пенсионного возраста. В него должны быть включены военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, судьи, жертвы радиационных катастроф, а условия пенсионного обеспечения различных категорий лиц необходимо анализировать прежде всего с учетом того, в рамках какой организационно-правовой формы социального обеспечения – обязательного социального страхования или государственного социального обеспечения – оно предоставляется.

К сожалению, авторам не всегда удается в необходимой степени подчеркнуть специфику социальной защиты пенсионеров или пожилых граждан. Наиболее ярко это проявляется в главе 5, посвященной лекарственному обеспечению. Так, на с. 82 после перечисления особых проблем назначения и реализации лекарственной терапии в отношении пожилых пациентов следует вывод о том, что лекарственные средства для них должны быть безопасными, правильно подобранными и доступными. Между тем указанные требования, очевидно, носят универсальный характер.

Отдельные вопросы, касающиеся социальной защиты пенсионеров и лиц пожилого возраста, заслуживали, по нашему мнению, более внимательного рассмотрения в данном научно-практическом пособии. В их числе – оценка возможности введения в России обязательного социального страхования на случай долгосрочного ухода по достижении пожилого возраста, которое применяется в ряде стран (в частности, в Германии). Авторы же ограничились указанием в главе 6 на снижение доступности социального обслуживания, хотя в главе 14 и привели примеры внедрения института приемной семьи для пожилых граждан.

Анализируя прогнозы американского социолога и публициста Д. Белла относительно социальной структуры постиндустриального общества как общества «коммунального», в котором высок запрос на права малых социальных групп (меньшинств), авторы приходят к заключению, что пенсионеры по возрасту станут одной из самых многочисленных социальных групп (в отличие от тех, кому пенсии назначаются по основаниям, не связанным с достижением пожилого возраста). Возможно, стоило бы в данном контексте затронуть наметившуюся в ходе современной пенсионной реформы тенденцию к снижению количества граждан, которые могут претендовать на страховую пенсию по старости. По данным пресс-службы Пенсионного фонда России, в 2017 г. было принято 125,4 тыс. решений об отказе в страховой пенсии по старости, а в 2018 г. их количество выросло до 170,5 тыс. В 2019 г. трем процентам россиян, обратившихся за страховой пенсией (по другим источникам, 15–20 тыс. человек), было отказано в ее назначении в связи с отсутствием необходимой продолжительности страхового стажа и (или) величины индивидуального пенсионного коэффициента¹.

В рецензируемом пособии допущен ряд неточностей, которые снижают общее положительное впечатление от данной работы. Так, на с. 97 авторы справедливо утверждают, что «преклонный возраст, как правило, сам по себе не является основанием для оказания государственной поддержки». Однако далее, характеризуя наличие заслуг перед обществом как одно из дополнительных условий предоставления такой поддержки, называют звания Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, Героев (авторы пишут «Героев или ветеранов») Социалистического Труда и Героев Труда Российской Федерации почетными званиями.

Между тем звания Героев Российской Федерации и Героев Труда Российской Федерации в законодательстве именуется высшими званиями Российской Федерации и относятся к государственным наградам (подп. «а» п. 2 Указа Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»). Что касается званий Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, то они были поименованы в законодательстве как высшие степени отличия (подп. «а» и «б» п. 1 ст. 8 Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1979 г. № 360-Х). Лица, удостоенные почетных званий (таких как «Народный учитель СССР» или «Заслуженный юрист Российской Федерации»), могут претендовать на присвоение им звания ветерана труда и предоставление после назначения пенсии по Федеральному закону «О страховых пенсиях» либо по достижении возраста 55 и 60 лет (соответственно женщины и мужчины) мер социальной поддержки, установленных законодательством субъектов РФ (ст. 7 и 22 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»). На с. 86 лица, имеющие заслуги перед обществом, характеризуются как «орденоносцы» и «медалисты», хотя более корректно все же говорить о них как о лицах, удостоенных государственных наград.

Очевидно, отмеченные недостатки научно-практического пособия «Права пенсионеров: российское законодательство и зарубежный опыт» можно объяснить объективной сложностью исследовательской задачи, которую поставил перед собой авторский коллектив. Резюмируя, можно подчеркнуть, что в целом эта задача выполнена на высоком теоретическом и прикладном уровне, а полученные результаты заслуживают внимания ученых и практиков. Проблема, которая обозначена в пособии, с каждым годом будет становиться все более актуальной, поэтому искать возможные пути ее решения необходимо уже сейчас. Представленное научно-практическое пособие является весомым вкладом в этот поиск.

¹ Богданова Т. От ворот поворот. Почему выросло число отказов в пенсии? // Аргументы и факты. 2019. 19 июня; Гусенко М. В ПФР объяснили, кому отказывают в назначении пенсии // RG.ru. Спец. проект. 2019. 26 окт. URL: <https://rg.ru/2019/10/26/v-pfr-obyasnili-komu-otkazyvaiut-v-naznachenii-pensii.html> (дата обращения: 09.07.2021); Кислов А. Глава ПФР заявил, что тысячам россиян в 2019 году отказали в назначении страховой пенсии // URA.RU: информ. агентство. 2019. 26 дек. URL: https://ura.news/news/1052412781?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 26.12.2019).

Список литературы

Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: моногр. М.: Контракт, 2012, 256 с.

Богданова Т. От ворот поворот. Почему выросло число отказов в пенсии? // Аргументы и факты. 2019. 19 июня.

Бэрд В. Мировое население / пер. с англ. Л. Киршанской. М.: Кн. клуб Книговек, 2014. 189 с.

Гусенко М. В ПФР объяснили, кому отказывают в назначении пенсии // RG.ru. Спец. проект. 2019. 26 окт. URL: <https://rg.ru/2019/10/26/v-pfr-obiasnili-komu-otkazyvaiut-v-naznachenii-pensii.html> (дата обращения: 09.07.2021).

Кислов А. Глава ПФР заявил, что тысячам россиян в 2019 году отказали в назначении страховой пенсии // URA.RU: информ. агентство. 2019. 26 дек. URL: https://ura.news/news/1052412781?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 26.12.2019).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС : Мир и образование, 2008. 1375 с.

Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. В. Путило. М.: Проспект, 2019. 176 с.

Социальное законодательство: науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков. М.: Контракт : ИНФРА-М, 2005. 352 с.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт : Дом. XXI век, 2008. 510 с.

References

Azarova E. G. (2012) *Sotsial'noe obespechenie detei: teoreticheskie podkhody* [Social security of children: theoretical approaches]. Moscow, Kontrakt, , 256 p.

Baird V. (2014) *Mirovoe naselenie* [The No-nonsense Guide to World Population], transl. from Eng. by L. Kirshanskaya. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek, 189 p.

Bogdanova T. (2019) *Ot vorot povorot. Pochemu vyroslo chislo otkazov v pensii?* [Turn away. Why has the number of pension refusals increased?] In *Argumenty i fakty*, 19 iyunya.

Gusenko M. (2019) *V PFR ob"yasnili, komu otkazyvayut v naznachenii pensii* [The Social Insurance Fund of the Russian Federation explained who would be denied a pension]. In *RG.ru. Spetsial'nyi projekt*, 26 Oct., available at: <https://rg.ru/2019/10/26/v-pfr-obiasnili-komu-otkazyvaiut-v-naznachenii-pensii.html> (accessed: 09.07.2021).

Kislov A. (2019) *Glava PFR zayavil, chto tysyacham rossiyan v 2019 godu otkazali v naznachenii strakhovoi pensii* [The head of the Social Insurance Fund of the Russian Federation said that thousands of Russians in 2019 were denied an insurance pension]. In *URA.RU: inform. agentstvo*, 26 Dec., available at: https://ura.news/news/1052412781?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (accessed: 26.12.2019).

Ozhegov S. I. (2008) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, ONIKS : Mir i obrazovanie, 1375 p.

Putilo N. V. (Ed.) (2019) *Pravovoe regulirovanie transplantatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Legal regulation of transplantation in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt, 176 p.

Tikhomirov Yu. A., Zenkov V. N. (Eds.) (2005) *Sotsial'noe zakonodatel'stvo* [Social legislation]. Moscow, Kontrakt : INFRA-M, 352 p.

Ushakov D. N. (2008) *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Al'ta-Print : Dom. XXI vek, 510 p.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 31.08.21.
Уч.-изд. л. 8,09. Объем 1,06 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит